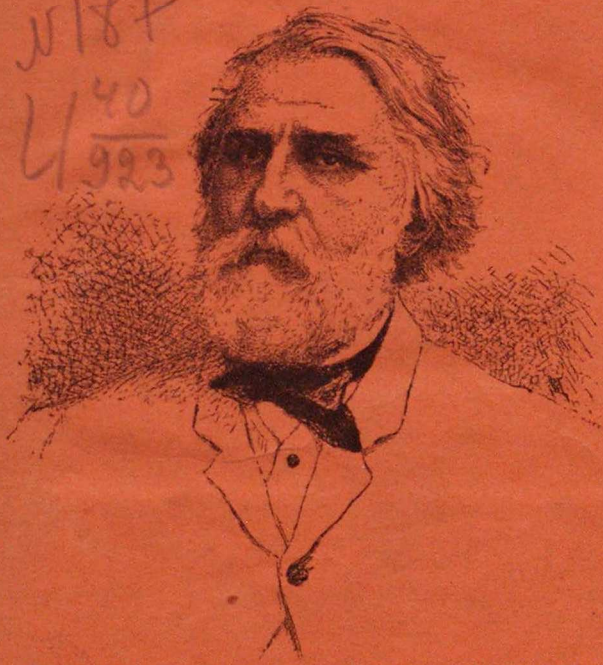
Ч 40/923

Чешихин-
192. 7. 102.
208-1-32
В. Е.

Ч. Вѣтринскій.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

№187
40
923



Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой.

МОСКВА.
1894.

98
1918

1845
Чешихин—
Ч.-Вѣтринскій. В. Ѣ.
И 40/923

Иванъ Сергѣевичъ

ТУРГЕНЕВЪ.

Очеркъ его жизни и отрывки изъ сочиненій.

Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой.

МОСКВА.
Типогр. „Разсвѣтъ“, уг. Воздвиженки и Кисловки, д. Шмитъ.
1894.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 августа 1894 г.

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Ф 28148-43
2011138981

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1950 г.

8

10

782

120

I.

Въ десяти верстахъ отъ города Мценска Орловской губерніи стоитъ село Спасское-Лутовиново, когда то большое и богатое. Лѣтъ сто назадъ оно принадлежало богатому дворянскому роду Лутовиновыхъ.

Около 1812 года помѣщицей Спасскаго стала Варвара Петровна Лутовинова. Въ ранней молодости ей пришлось вынести много горя, которое ожесточило и испортило ея характеръ. Рано потерявъ отца, она съ матерью жила одно время въ большой бѣдности, послѣ того, какъ привыкла уже къ жизни въ довольствѣ. Потомъ мать ея вышла замужъ во второй разъ. Вотчимъ, человѣкъ грубый и распу-

щенный, держалъ свою падчерицу, что называется — въ черномъ тѣлѣ, а когда она выросла и стала красавицей, онъ началъ ее преслѣдовать уже иначе. Дѣвушка убѣжала наконецъ отъ вотчима къ своимъ родственникамъ осеннею холодною ночью въ одномъ платьѣ.

Уже въ годы не первой молодости она вышла замужъ въ Орлѣ за офицера, Сергѣя Николаевича Тургенева. Онъ былъ изъ стариннаго, но обѣднѣвшаго дворянскаго рода, красавецъ собою и женился на Варварѣ Петровнѣ только потому, что хотѣлъ поправить свои дѣла. Мужъ плохо ладилъ съ нелюбимою женою и не разъ измѣнялъ ей.

28 октября 1818 года, въ Орлѣ, у нихъ родился сынъ Иванъ, будущій писатель. Первые годы дѣтства мальчикъ провелъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Николаемъ въ Спасскомъ.

Въ 1822 году семья Тургеневыхъ тронулась въ путешествіе за границу. Ѣхали

на собственныхъ лошадяхъ, со множествомъ крѣпостной челяди, побывали во Франціи, Германіи, Швейцаріи.

Въ Бернѣ (въ Швейцаріи) случилось происшествіе, едва не стоившее Тургеневу жизни. Вмѣстѣ съ родителями не по лѣтамъ бойкій мальчикъ отправился смотрѣть яму, въ которой для забавы публики содержались медвѣди. Ребенокъ слишкомъ близко подошелъ къ периламъ, сорвался съ нихъ, и отецъ едва успѣлъ подхватить неосторожнаго мальчугана. Ему въ дѣтствѣ не разъ пришлось быть такъ близко отъ смерти: однажды онъ заболѣлъ такъ отчаянно, что съ него уже сняли мѣрку для гроба.

Вернувшись изъ за границы Тургеневы зажили въ Спасскомъ обычною жизнью тогдашняго дворянства. Иванъ Сергѣевичъ съ дѣтства видѣлъ во-очію и на себѣ испыталъ жестокіе нравы того времени. Въ имѣніи и въ барской усадьбѣ все шло по строго заведенному порядку.

Глава семьи былъ нрава крутого и не любилъ шутить съ провинившимся. Мальчикъ росъ среди побоевъ и истязаній, о которыхъ не могъ впослѣдствіи вспомнить безъ ужаса.

— Драли меня за всякіе пустяки чуть не всякій день — говаривалъ онъ. Разъ мать собственноручно высѣкла его по наговору какой-то приживалки. Ребенокъ не зналъ за собою никакой вины и молилъ сказать, за что его сѣкутъ. Вмѣсто того — снова наказаніе съ угрозою повторять его до тѣхъ поръ, пока самъ не догадается, въ чемъ онъ провинился. Въ безпредѣльномъ страхѣ мальчикъ рѣшилъ бѣжать, куда глаза глядятъ. Ночью онъ одѣлся и потихоньку сталъ пробираться изъ дому. Къ счастью учитель-нѣмецъ во время хватился бѣглеца и успѣлъ избавить его отъ новыхъ истязаній.

По тогдашнему обычаю, въ учителя дѣтямъ дворяне старались брать иностранцевъ. Сама Варвара Петровна была тоже

такъ воспитана; по-французски она, напр., говорила лучше, чѣмъ по-русски. Поэтому въ семьѣ Тургеневыхъ постоянно дѣтей учили нѣмцы или французы. Такимъ образомъ Иванъ Сергѣевичъ уже въ раннемъ дѣтствѣ выучился и французскому, и нѣмецкому языкамъ. Но только этимъ, собственно говоря, и ограничивалось обученіе: учителя изъ иностранцевъ были народъ не особенно знающій. Попадались среди такихъ воспитателей и настоящіе проходимцы. Одно время, напр., у Ивана Сергѣевича былъ учителемъ нѣмецъ, который только и дѣлалъ, что возился съ простою привезенною имъ ручною вороной, и оказался въ концѣ концовъ простымъ сѣдельникомъ.

Неудивительно, что съ учителями такого сорта въ строгомъ домѣ Тургеневыхъ не церемонились. Разъ вышелъ такой случай. Учитель какъ-то разсердился на старшаго мальчика за шалости во время урока и сталъ его драть за волосы. На

бѣду вошелъ баринъ и увидѣлъ эту расправу. Въ ту же минуту онъ схватилъ нѣмца за шиворотъ, поднялъ его легко на воздухъ, такъ какъ отличался страшною силою, и сбросилъ его съ лѣстницы второго этажа; затѣмъ несчастнаго, который конечно сильно разбился, немедленно выгнали изъ имѣнія на всѣ четыре стороны.

При вспыльчивомъ, ничѣмъ не сдержанномъ характерѣ отца, дѣтямъ не разъ приходилось видѣть такія же расправы съ крѣпостными людьми, особенно съ дворовыми, которые были постоянно на глазахъ у господъ. Родители всячески старались отдалить дѣтей отъ дворовыхъ, но все-таки дѣти были постоянно среди нихъ. Крѣпостные дядьки и няньки приставлялись для того, чтобъ барское дитя не слишкомъ рѣзвилось, не ушиблось бы—сохрани Господи!—чтобъ не водилось съ мужицкими дѣтьми и такъ далѣе. Но отъ этихъ же дядекъ и нянекъ маль-

чикъ узнавалъ, что дѣлается въ усадьбѣ. Ему случалось подслушать заглушенныя жалобы крѣпостныхъ на свое горькое житье, и въ чуткую душу ребенка закрадывалась глубокая жалость къ униженному безотвѣтному люду. Ребенкомъ уже—Иванъ Сергѣевичъ былъ врагомъ всякаго насилія надъ человѣкомъ. Долго послѣ упраздненія крѣпостного права, онъ вспоминалъ о себѣ съ гордостью, что не поддался примѣру старшихъ и, выросши среди постоянныхъ побоевъ, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ. Скоро у мальчика среди дворовыхъ, чувствовавшихъ, что онъ на ихъ сторонѣ, завелись друзья; это конечно хранилось въ глубокой тайнѣ.

Между такими друзьями нашелся человѣкъ, который впервые внушилъ будущему писателю влеченіе къ русской литературѣ. Это былъ старикъ камердинеръ, Василій Филипповичъ, онъ былъ грамотѣй и большой любитель старинныхъ русскихъ сочини-

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р

телей, особенно Хераскова. Теперь—тяжеловѣсные стихи Хераскова, переполненные церковно-славянскими словами, заслуженно забыты, но мальчику Тургеневу они были живою новостью. Родители съ презрѣніемъ смотрѣли на русскій языкъ, годный только на то, чтобъ объясняться съ мужиками; учителя ни слова не говорили мальчику о русской литературѣ. И вотъ, въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ сада или въ дальней комнатѣ, улучивъ свободную минуту, старикъ-камердинеръ читалъ своему баловню русскіе стихи изъ старой заплѣсневѣлой книги. Онъ ихъ выкрикивалъ съ увлеченіемъ, заливчато, закатисто въ носъ, какъ изступленный. И при этомъ у него была такая привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, вполголоса—это онъ называлъ читать на черно, потомъ тотъ же стихъ грянетъ на бѣло, и вдругъ вскочитъ, поднимете руки не то молитвенно, не то повелительно... Эти чтенія занимали маль-

чика такъ, что онъ забывалъ обо всемъ на свѣтѣ, заслушавшись разсказа про какого-нибудь русскаго богатыря. „Отъ восторга, — вспоминалъ Тургеневъ впослѣдствіи: — руки и ноги, бывало, холодѣли“. Сотни разъ онъ выслушивалъ одни и тѣ же отрывки, и они не надоѣдали ему.

Въ 1827 году Тургеневы переселились въ Москву и Ивана Сергѣевича отдали въ училище. Здѣсь произвелъ на него сильное впечатлѣніе одинъ изъ надзирателей, русскій. Онъ разсказывалъ школьникамъ на память отъ доски до доски романъ Загоскина „Юрій Милославскій“ (разсказъ изъ событій Смутнаго времени на Руси предъ избраніемъ на царство дома Романовыхъ). Тургеневъ сидѣлъ обыкновенно на колѣняхъ разсказчика и съ необыковеннымъ одушевленіемъ вслушивался въ разсказъ, такъ что потомъ могъ повторить все отъ слова до слова.

Такъ, крѣпостной чудакъ и этотъ надзиратель заронили въ мальчикѣ искру горячей любви къ русской литературѣ.

Въ дѣтствѣ — искренность и живость мальчика часто причиняли ему много горя. Однажды, когда ему было лѣтъ шесть, мать повезла его на поклонъ къ одной очень знатной, ветхой старухѣ. Ея сморщенныя щеки, темный цвѣтъ лица очень не понравились мальчугану, и онъ къ ужасу матери и всѣхъ присутствовавшихъ, вмѣсто того, чтобъ почтительно подойти къ ручкѣ хозяйки, брякнулъ ей въ лицо: „ты совсѣмъ похожа на обезьяну“, за что и былъ больно высѣченъ. Другой разъ, его показывали какому-то почтенному старцу. Мальчику сказали, что это писатель Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, и заставили прочитать басню Дмитріева. Прочитавши басню, мальчикъ неожиданно заявилъ польщенному старику: „Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова гораздо лучше“. За это замѣчаніе, совер-

шенно справедливое, Тургеневу опять больно досталось.

Такъ росъ въ раннемъ дѣтствѣ будущій знаменитый писатель: ученье давалось ему легко, рѣдкія способности, искренность и живость соединялись въ немъ съ теплымъ сердцемъ, которое уже чутко отзывалось на людскія страданія и горе.

II.

Въ 1834 году умеръ отецъ Ив. Серг. Тургенева. Въ этомъ же году онъ поступилъ въ петербургскій университетъ.

Занимаясь науками, Тургеневъ въ то же время увлекался литературой: онъ читалъ и перечитывалъ особенно сочиненія Гоголя и Пушкина; лучшія сочиненія ихъ появлялись какъ разъ въ эту пору. Оба писателя изображали въ своихъ произведеніяхъ подлинную русскую жизнь, русскихъ людей, не стараясь ихъ прикра-

шивать, тогда это было еще большою новостью, и каждая новая повѣсть Гоголя или стихи Пушкина возбуждали въ обществѣ живые толки. Пушкинъ въ особенности нравился Тургеневу и навсегда остался его любимѣйшимъ поэтомъ.

— „Пушкинъ—вспоминаетъ самъ Тургеневъ: — былъ въ то время для меня, какъ и для многихъ моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы дѣйствительно ему поклонялись“.

Въ университетѣ Тургеневъ и самъ сталъ пробовать свои писательскія силы и началъ писать стихи. Ихъ онъ показалъ профессору русской литературы П. А. Плетневу, человѣку очень доброму и ласковому. Тотъ отечески пожурилъ юнаго студента за какой-то неудачный стихотворный опытъ; однако, замѣтилъ ему, что въ немъ „что-то есть“, и потомъ напечаталъ нѣкоторыя стихотворенія Тургенева въ своемъ журналѣ „Современникъ“. Чрезъ Плетнева же Тургеневъ завелъ въ

Петербургѣ нѣкоторыя знакомства съ писателями.

Окончивъ университетъ, девятнадцатилѣтній Тургеневъ отправился весною 1838 года доучиваться въ Берлинъ. Объ этой поѣздкѣ онъ мечталъ давно. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Россіи нельзя набраться настоящихъ знаній, а что главный ихъ источникъ за границею.. Такъ оно въ то время и было: министерство народнаго просвѣщенія то и дѣло посылало учиться въ заграничные университеты молодыхъ людей, чтобъ по возвращеніи они становились профессорами въ русскихъ университетахъ.

Кромѣ желанія учиться, Тургенева влекло заграницу еще и другое чувство. Онъ говорилъ о себѣ: „Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ—полоса помѣщичья, крѣпостная,— не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ: почти все,

что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія—отвращенія наконецъ". Тургеневъ уже чувствовалъ себя непримиримымъ врагомъ тогдашняго главнаго зла русской жизни, врагомъ крѣпостного права. Ему во-очію хотѣлось видѣть жизнь совершенно иного рода.

Мать дала Тургеневу въ провожатые и въ дядьки молодого крѣпостного, Порфирія Тимофеевича Кудряшова, который по слухамъ былъ никѣмъ инымъ, какъ побочнымъ братомъ Ивана Сергѣевича.—Пароходъ, на которомъ ѣхали путешественники, сгорѣлъ въ морѣ, и Тургеневъ едва спасся отъ гибели.

Въ Берлинѣ онъ близко сошелся съ дружескимъ кружкомъ русской молодежи, учившейся здѣсь, какъ и онъ. Это были—вскорѣ послѣ того умершій Н. В. Станкевичъ, близкій другъ Кольцова, Бѣлинскаго и другихъ замѣчательныхъ русскихъ людей того времени, затѣмъ Тимофей

Николаевичъ Грановскій, знаменитый впослѣдствіи профессоръ московскаго университета, и другіе. Друзья вмѣстѣ ходили въ университетъ, вмѣстѣ читали, вмѣстѣ бывали въ театрѣ. Станкевичъ и Грановскій были въ ту пору и серьезнѣе, и развитѣе Тургенева, больше его думали о томъ, какъ бы употребить свои силы и знанія на пользу родины. Самъ Тургеневъ былъ еще такъ молодъ, что часами могъ забавляться игрою въ дурачки съ дядькою или травлею крысъ. Друзей его такіе пустяки не занимали.

Однажды, послѣ горячаго спора, Станкевичъ взялъ съ Грановскаго, Тургенева и прочихъ друзей торжественное обѣщаніе, что они всѣ свои силы положатъ на просвѣщеніе русскаго народа. Вообще, благодаря вліянію Станкевича и Грановскаго, житье и ученье за границей оставили большой слѣдъ на Тургеневѣ. Онъ самъ говорилъ: „я конечно не писалъ бы „Записокъ Охотника“, если бъ остался въ Россіи“.

Въ эти же годы лѣтомъ Тургеневъ много странствовалъ по Германіи и Швейцаріи. Онъ купилъ себѣ простую рабочую блузу, ранецъ, палку, запасся картою и одинъ пѣшкомъ бродилъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню.

Пришла пора возвращаться на родину. Тургеневъ думалъ, что вернется одинъ. Его дядька, Кудряшевъ, человѣкъ очень способный, въ это время выучился съ помощью Ивана Сергѣевича нѣмецкому языку, поступилъ студентомъ въ одинъ нѣмецкій университетъ и собирался по окончаніи ученья остаться въ Германіи врачемъ. Кстати Кудряшовъ нашелъ себѣ и невѣсту. Тургеневъ хорошо зналъ свою мать и одобрилъ это рѣшеніе. Но каково было удивленіе Ивана Сергѣевича, когда простившись съ Кудряшовымъ, онъ увидѣлъ его въ день отъѣзда тоже готовымъ въ путь, съ узелкомъ и съ походной сумкой чрезъ плечо.

— Ты куда, Порфирій?—спросилъ изумленный Тургеневъ.

— „Ѣду въ Россію“.

— А университетъ? а невѣста?

— „Христосъ съ ними... Родина милѣе“.

— Да знаешь ли ты, Порфирій, что тебя же матушка въ батрака обратитъ, а въ дурной часъ и въ солдаты можетъ отдать?

— „Знаю, а все-таки, хоть убей меня, а поѣду съ тобою въ Россію“.

Тургеневъ ничего не могъ подѣлать съ упрямствомъ своего друга. Предсказаніе сбылось: какъ только Кудряшовъ вернулся въ Спасское, Варвара Петровна Тургенева сдѣлала его безотлучнымъ врачемъ при своей особѣ и Кудряшову пришлось много вытерпѣть отъ капризовъ взбалмошной помѣщицы. Впослѣдствіи Кудряшовъ, сталъ. какъ врачъ, очень извѣстенъ въ двухъ уѣздахъ. Но сознаніе, что онъ — крѣпостной, грызло его,

отравляло ему жизнь. Человѣкъ очень талантливый, онъ облѣнился страшно: главнымъ наслажденьемъ его стало обжорство, да пѣніе подъ гитару. Иванъ Сергѣевичъ выписывалъ для него нѣмецкіе журналы, заставлялъ его читать ихъ, чтобъ онъ не отставалъ отъ науки, но Кудряшовъ занимался съ крайнимъ неудовольствіемъ. Послѣ смерти матери, Тургеневъ конечно немедленно далъ ему вольную. Но, точно мстя за свою испорченную жизнь, Кудряшовъ, къ огорченію Тургенева, искренно его любившаго, не называлъ Ивана Сергѣевича иначе, какъ насмѣшливо „бариномъ“, сталъ говорить ему въ Россіи, „вы“, ни разу не захотѣлъ отобѣдать съ нимъ, увѣряя насмѣшливо, что барскій обѣдъ не по его животу.

По возвращеніи въ Россію и въ родное Спасское-Лутовиново, Иванъ Сергѣевичъ вдоволь насмотрѣлся на людей, жизнь которыхъ была несравненно тяжелѣе судьбы Кудряшова.

Варвара Петровна Тургенева послѣ смерти мужа осталась полновластною госпожею. Она столько лѣтъ — сперва при вотчимѣ, потомъ при мужѣ — ничего въ домѣ не значила, что теперь первымъ ея наслажденіемъ стало испытывать свою власть надъ людьми. Тутъ она не знала никакого удержу. Малѣйшее противорѣчіе могло привести ее въ такое бѣшенство, что она заболѣвала, и тому же Кудряшову приходилось лечить ее. Больше всего горя приходилось терпѣть, конечно, наиболѣе приближеннымъ къ ней людямъ. Настоящею мученицею была, напримѣръ, ея первая горничная, жена управляющаго имѣніемъ. Чтобъ показать свое расположеніе къ ней, помѣщица роскошно отпраздновала ея свадьбу, а потомъ, чтобъ дѣти не мѣшали службѣ, запретила ей самой кормить дѣтей, а велѣла отсылать ихъ въ дальнюю деревню. Бѣдная мать не захотѣла отдать дѣтей въ чужія руки и тайно выростила ихъ одного за другимъ

въ темномъ чуланѣ, въ дальнемъ флигелѣ. На этой же женщинѣ барыня чаще всего вымещала свое неудовольствіе на прикащика, на кого-нибудь изъ слугъ, не скоро подавшаго носовой платокъ или стаканъ воды, вымещала уже послѣ того, какъ провинившійся получилъ свое наказаніе. Рѣдкій день обходился безъ пощечины кому-нибудь. Иногда Варвара Петровна начинала издѣваться надъ кѣмъ-нибудь изъ непонравившихся ей или давно не наказанныхъ слугъ, оставалась недовольна каждымъ его шагомъ и наконецъ мелкими замѣчаніями и придирками вызывала человѣка на какую-нибудь дерзость, за которой слѣдовали обморокъ, слезы барыни и жестокое наказаніе виновному.

Помѣщики имѣли тогда право провинившихся крѣпостныхъ сдавать въ солдаты и даже ссылать въ Сибирь на поселеніе. Бывали такіе примѣры: Варварѣ Петровнѣ покажется, что тотъ или иной дворовый или крестьянинъ косо и изъ

подлобья посмотрѣлъ на нее; тутъ же дается распоряженіе отправить непочтительнаго въ городъ для сдачи властямъ, и къ вечеру его уже нѣтъ въ селѣ. Даже Страстная и Свѣтлая недѣли рѣдко проходили безъ чего-нибудь самодурнаго. Разъ Варвара Петровна потребовала, чтобъ священникъ исповѣдалъ ее въ церкви при всѣхъ вслухъ, прочитала какую-то молитву и приказала себя причастить; священникъ не посмѣлъ ослушаться. Другой разъ, въ Свѣтлое Воскресенье у нея отъ утренняго трезвона разболѣлась голова и тутъ же было приказано прекратить трезвонъ и не заикаться о праздникѣ. Такъ свѣтлаго праздника въ тотъ годъ въ барской усадьбѣ и не справляли. Предъ грозною богатою помѣщицею трепетали не только ея крѣпостные, но и сосѣдніе помѣщики изъ мелкихъ. Къ барскому крыльцу никто не смѣлъ подъѣзжать съ колокольчикомъ. Становому дозволялось по дѣламъ подъѣзжать только

къ этдаленной отъ дома конторѣ имѣнія, а къ барскому лицу его не допускали.

Вотъ одинъ случай изъ жизни Варвары Петровны и ея крѣпостныхъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ послужилъ содержаніемъ для трогательнаго разсказа самого Тургенева, подъ заглавіемъ „Муму“. При московскомъ домѣ Варвары Петровны состоялъ дворникомъ глухонѣмой парень, Андрей, огромнаго роста и страшной силы. Помѣщица случайно увидѣла его въ полѣ за сохою; онъ ей понравился, и она тутъ же велѣла ему бросить деревню и ѣхать въ Москву. Глухонѣмой короталъ свой вѣкъ бобылемъ и былъ большой руки нелюдимъ, какъ всѣ глухонѣмые. Какъ-то разъ онъ спасъ отъ смерти тонувшаго щенка, выростилъ его и страстно привязался къ собакѣ. Ее онъ называлъ „Муму“, единственное слово, которое онъ могъ выговорить. Дружба глухонѣмого съ его красивой собачкой вошла въ дворнѣ даже въ пословицу. На бѣду Муму попа-

лась какъ-то на глаза барынѣ и очень ей понравилась; та велѣла взять ее въ комнаты. Но барскія хоромы не пришлись по вкусу собакѣ: она рвалась на дворъ, не шла на зовъ и наконецъ со страха оскалила зубы на саму барыню, когда та хотѣла поймать ее. Барыня разгнѣвалась и распорядилась, чтобъ собаку убрали, чтобъ она ее больше не видала. Тайкомъ отъ Андрея Муму продали, но она вернулась къ хозяину, и онъ придумалъ прятать собаку днемъ въ своемъ чуланѣ, а выпускать только ночью. Боясь страшнаго глухонѣмого, барынѣ не доносили, что Муму снова въ домѣ. Но собака сама себя выдала: гуляя ночью съ глухонѣмымъ, она стала лаять на кого-то у забора, и барыня услышала ее. Въ домѣ поднялся страшный переполохъ: за ослушаніе приходилось всѣмъ отвѣчать. Коекакъ объяснили это Андрею, и онъ собственными руками утопилъ Муму, единственное существо, которое любило его

и которое онъ самъ любилъ больше всего на свѣтѣ. — Въ разсказѣ Тургенева Андрей названъ Герасимомъ.

Иванъ Сергѣевичъ былъ любимцемъ матери. Онъ одинъ умѣлъ смягчать ее однимъ своимъ присутствіемъ, при немъ она забывала свои привычки. Пріѣзды его въ Спасское были общимъ праздникомъ для измученнаго крѣпостного люда.

— „Какъ себя помню, такъ помню свое и всеобщее, въ домѣ матери, обожаніе къ нему. — Такъ разсказываетъ объ И. С. одна воспитанница В. П. Тургеневой, бывавшая при ней безотлучно: — Рѣдко онъ бывалъ у насъ; но когда его ждали, всѣ крестились, всѣ радовались: „Нашъ ангелъ ѣдетъ! Теперь у насъ все будетъ хорошо, теперь ничего не будетъ“. Вотъ что слышалось со всѣхъ сторонъ. И дѣйствительно, велика была сила его кротости и доброты. Она все побѣждала, все укрощала... Около него ничто лживое и злое не имѣло мѣста. Настолько обаяте-

ленъ онъ былъ, настолько самъ хорошъ, что его нравственная красота разливалась на все окружавшее. Да, его доброты боялись".

Въ деревнѣ Иванъ Сергѣевичъ много времени проводилъ на ружейной охотѣ: къ ней онъ пристрастился съ дѣтства и до самой смерти былъ охотникомъ неутомимымъ. Окрестные крестьяне хорошо знали его; вездѣ радушно встрѣчали его, когда онъ пѣшкомъ или на бѣговыхъ дрожкахъ забирался въ какую-нибудь глушь. Тутъ у него былъ случай присматриваться къ тогдашней жизни помѣщиковъ и крестьянъ, и вездѣ онъ видѣлъ почти то же, что въ имѣніи своей матери: чаще всего крестьянамъ жилось еще хуже...

Душевная мягкость человѣка лучше всего сказывается въ томъ, каковъ онъ съ дѣтьми, любятъ ли его дѣти. Ивана Сергѣевича дворовые ребятишки въ усадьбѣ матери любили страшно. Съ ними онъ,

самъ какъ мальчикъ, болталъ по долгу, бродилъ по полямъ, зналъ всю подноготную чуть не про каждаго изъ нихъ, забавлялъ ихъ своими разсказами и самъ слушалъ дѣтскіе разсказы про ихъ житье-бытье. Онъ особенно былъ пріятелемъ съ маленькою воспитанницею Варвары Петровны: съ ней онъ дурачился, къ негодованью матери, цѣлыми часами; онъ выучилъ, напр., ее какому-то лягушечьему греческому языку, т.-е. выкрикивалъ съ нею на всякіе лады: „бре-ке-кексъ, кексъ-коаксъ!“ Замѣтивъ, что дѣвочкѣ очень нравится одна вычитанная ею сказка, онъ охотно выслушивалъ ее десятки разъ, чтобъ доставить только удовольствіе своей пріятельницѣ.

Вскорѣ вся душевная мягкость Ивана Сергѣевича излилась въ его разсказахъ изъ крестьянскаго быта.

III.

По возвращеніи изъ-за границы Иванъ Сергѣевичъ поступилъ было, по желанію матери, на службу, но скоро вышелъ въ отставку, потому что не чувствовалъ къ службѣ охоты: его тянуло къ писательству.

Онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Въ обѣихъ столицахъ были люди, съ которыми онъ близко сошелся и которые были съ нимъ однихъ взглядовъ на русскую жизнь.

Берлинскій другъ Тургенева, Грановскій сталъ въ это время уже очень извѣстенъ въ московскомъ обществѣ. Это былъ человѣкъ мягкой и чистой души, горячо стремившійся къ просвѣщенію. Онъ читалъ въ университетѣ лекціи по исторіи и всегда старался внушать своимъ слушателямъ любовь къ наукѣ, уваженіе къ тому, что въ наукѣ сдѣлали за

границею, и въ особенности умѣлъ внушать вражду ко всякому насилію надъ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ. Грановскій писалъ мало, но къ рѣчи его прислушивались не только слушатели-студенты, боготворившіе своего учителя, не только близкіе друзья его — изъ писателей и профессоровъ — но и всѣ образованные люди.

Не разъ между Грановскимъ и Тургеневымъ шла рѣчь о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, которое Иванъ Сергѣевичъ зналъ такъ близко.

Въ московскомъ домѣ Тургеневыхъ, И. С. занималъ верхнюю комнату. Къ нему былъ всегда свободный доступъ, и воспитанница Варвары Петровны бѣгала на верхъ, когда та отдыхала или у нея были гости. Грановскій былъ тоже пріятелемъ съ дѣвочкою. „Прибѣжала я разъ наверхъ, — разсказываетъ она: — оба, хозяинъ и гость, что-то очень громко говорили, Иванъ Сергѣевичъ быстро хо-

дилъ по комнатѣ и повидимому очень горячился. Я остановилась въ дверяхъ, Грановскій знакомъ подозвалъ меня и посадилъ къ себѣ на колѣни. Долго сидѣла я, почти притаивъ дыханіе, и сначала ничего не понимала; но потомъ слова: крѣпостные, вольные, поселеніе, несчастные, когда конецъ? и прочія, слова столь мнѣ знакомыя и столь часто слышанныя, сдѣлали ихъ разговоръ мнѣ почти понятнымъ. Какъ теперь, такъ и тогда, я не могла бы отчетливо передать все слышанное; но смыслъ былъ мнѣ ясенъ. Въ разговорѣ ихъ такъ сильно высказывались надежды на что-то лучшее, что и я будто чему-то обрадовалась.

„Вдругъ И. С. точно опомнился и обратился ко мнѣ: „Ты задремала? ступай внизъ, ты вѣдь тутъ ничего не понимаешь; тебѣ спать пора“.

— „Нѣтъ, поняла, — обидѣлась я: — моя Агашенька (няня дѣвочки) будетъ скоро вольная, да?

— „Да, когда-нибудь,—задумчиво произнесъ И. С. и при этомъ поцѣловалъ меня такъ, будто за что похвалилъ".

Чѣмъ въ Москвѣ былъ Грановскій, тѣмъ же въ Петербургѣ, среди образованныхъ людей, былъ знаменитый критикъ Бѣлинскій (род. въ 1810 г., ум. 26 мая 1848 г.). Въ 1843 г. Тургеневъ напечаталъ разсказъ въ стихахъ „Параша". Этотъ разсказъ очень понравился Бѣлинскому и онъ написалъ о немъ очень одобрительный отзывъ. Вскорѣ послѣ того Бѣлинскій и Тургеневъ познакомились и сошлись такъ близко, какъ только могутъ сойтись люди однихъ взглядовъ.

Бѣлинскій прекрасно разгадалъ богатую натуру начинающаго писателя, про котораго среди знакомыхъ ходили самые странные слухи. Дѣло въ томъ, что въ молодые годы Тургеневъ напускалъ на себя не мало чудачествъ. Онъ любилъ шутку; его забавляло — приводить людей въ недоумѣніе. Иногда онъ разыгрывалъ ка-

кого-то дурачка и шута, начиналъ вдругъ представлять сумасшедшаго или кричать пѣтухомъ, если серьезный разговоръ ему надоѣдалъ. Его забавляли даже такія мальчишескія продѣлки, какъ похвастать предъ знакомыми, что онъ на охотѣ набилъ много дичи, пригласить ихъ въ доказательство на обѣдъ — и потомъ удрать, съ наслажденіемъ воображая, какія будутъ лица у одураченныхъ гостей, разсчитывавшихъ полакомиться. Вслѣдствіе всего этого, многіе отзывались о Тургеневѣ, какъ о человѣкѣ самомъ пустомъ. Самъ онъ не старался опровергать слуховъ про себя, а они доходили до того, что однажды Ивана Сергѣевича серьезно спросили, правда ли, что у него дома сидитъ на цѣпи крѣпостная любовница.

Когда шла рѣчь о Тургеневѣ, Бѣлинскій говаривалъ: — „Что мнѣ за дѣло до промаховъ и излишествъ Тургенева? Тургеневъ написалъ „Парашу“, а пустые люди такихъ вещей не пишутъ“. Дружба

была на руку обоимъ писателямъ. Тургеневъ учился за границей, хорошо зналъ иностранные языки и былъ полезенъ Бѣлинскому своими разнообразными и богатыми свѣдѣніями. Бѣлинскій заражалъ Тургенева своимъ страстнымъ увлеченіемъ и любовью къ русской литературѣ. Въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ о сочиненіяхъ русскихъ писателей Бѣлинскій объяснялъ, что главная заслуга всякаго писателя — правдивое изображеніе жизни. Именно поэтому Бѣлинскій особенно высоко ставилъ произведенія Гоголя „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“. Такой взглядъ на дѣятельность писателя усвоилъ и Тургеневъ. Онъ самъ считалъ себя во многомъ ученикомъ Бѣлинскаго и навсегда сохранилъ о немъ самую теплую память. Духомъ Бѣлинскаго — правдою, любовью къ людямъ и враждою ко всякому насилію надъ людьми — были проникнуты и разсказы Тургенева изъ крестьянской жиз-

ни, печатавшіеся подъ заглавіемъ „Записки охотника“.

Первый изъ этихъ разсказовъ, подъ заглавіемъ: „Хорь и Калинычъ“, былъ напечатанъ въ 1847 г. въ журналѣ „Современникъ“ и подписанъ буквами „Т. Л.“ (Тургеневъ-Лутовиновъ). Онъ имѣлъ неожиданный и громкій успѣхъ, тогда какъ раньше на сочиненія Тургенева не обращали вниманія. Всѣ чувствовали что-то свѣжее и хорошее въ незатѣйливомъ разсказѣ про двухъ орловскихъ мужиковъ. Съ такой любовью и пониманьемъ дѣла про крестьянъ не писалъ еще никто изъ русскихъ писателей. Разсказы изъ „Записокъ Охотника“ стали появляться въ „Современникѣ“ одинъ за другимъ. Иванъ Сергѣевичъ рѣшился, наконецъ, подъ разсказами подписать свою фамилію, и скоро имя Тургенева стало дорого каждому русскому читателю. Въ 1852 году „Записки Охотника“ вышли отдѣльною книжкою и слава Тургенева была упрочена. Крупный

литературный талантъ его былъ признанъ и тѣмъ писателемъ, который впервые безъ прикрасъ правдиво изображалъ русскую жизнь (бытъ чиновниковъ и помѣщиковъ), Гоголемъ. Мѣсяца за два до смерти онъ говорилъ, что „во всей теперешней литературѣ больше всѣхъ таланта у Тургенева“.

„Записки Охотника“—рядъ разсказовъ про встрѣчи писателя съ людьми всякаго званія и состоянія, преимущественно съ помѣщиками и крестьянами. Жизнь русскаго крестьянина съ его горемъ и нуждами и немногими радостями передана просто и правдиво, и вездѣ чувствуется теплая любовь писателя къ страдающему закрѣпощенному люду. Живую человѣческую душу писатель умѣетъ показать въ самомъ незамѣтномъ и приниженномъ человѣкѣ. Кто прочитаетъ „Записки Охотника“, тому, какъ живые люди, будутъ понятны и дороги многія дѣйствующія лица этихъ разсказовъ. Таковы, напримѣръ,—

милыя крестьянскія дѣти, разсказывающія другъ другу въ ночномъ страшныя сказки, повѣрья и случаи изъ своей жизни (разсказъ „Бѣжинъ Лугъ“); таковъ—чудакъ Касьянъ съ Красивой Мечи (разсказъ того же названія), прозвищемъ Блоха, знахарь, любовно жалѣющій всякую живую тварь; или угрюмый лѣсникъ, выпускающій голоднаго мужика, котораго накрылъ на воровствѣ лѣса („Бирюкъ“); таковы — крестьяне, собравшіеся въ кабакъ слушать состязаніе двухъ пѣвцовъ („Пѣвцы“), или крестьянская дѣвушка, обманутая барскимъ лакеемъ („Свиданіе“).

Въ „Запискахъ Охотника“ мы видимъ также цѣлый рядъ людей, жизнь которыхъ въ конецъ испорчена крѣпостными порядками, и людей, которыхъ эти порядки развратили до мозга костей. Вотъ, напримѣръ, мелкопомѣстный дворянинъ, горячо полюбившій крестьянскую дѣвушку (чужую крѣпостную), загубившій и ее, и себя („Петръ Петровичъ Каратаевъ“);

или старый дворовый, прозвищемъ Сучекъ: онъ побывалъ у разныхъ господъ и былъ то кучеромъ, то поваромъ, то рыболовомъ, то актеромъ, то казачкомъ, то садовникомъ, все по господскому приказу, и наконецъ и самъ на себя начинаетъ смотрѣть какъ будто на вещь какую-нибудь („Льговъ“)... Съ другой стороны—вотъ—бурмистръ, который забралъ въ руки помѣщика и разоряетъ крестьянъ безпощадно, вотъ—начальникъ конторы, которою управляется помѣстье, тоже дерущій деньги съ живого и мертваго, отнимающій невѣсту у своего подчиненнаго (разсказы „Контора“ и „Бурмистръ“), или вотъ предъ нами помѣщики, гг. Звѣрковы, не позволяющіе дворовымъ жениться и выходить замужъ, чтобы дѣти не мѣшали порядку, и считающіе себя людьми очень хорошими (разсказъ „Ермолай и Мельничиха“).

Правда, горькая правда въ изображеніи житья-бытья русскаго крестьянина, го-

рячая любовь къ нему и участье ко всему русскому, къ русской природѣ (не много писателей, которые описываютъ русскую природу такъ, какъ Тургеневъ, съ такою любовью и такъ живо), умѣнье показать искру Божію въ человѣкѣ—вотъ что болѣе всего восхищало и до сихъ поръ привлекаетъ читателей „Записокъ Охотника“.

Въ концѣ книжки мы помѣщаемъ изъ „Записокъ Охотника“ разсказъ „Бирюкъ“, а теперь приведемъ коротенькій отрывокъ, написанный гораздо позднѣе, но ярко показывающій, какъ высоко ставилъ Тургеневъ всякое хорошее чувство и дѣло, особенно со стороны человѣка, который самъ обездоленъ.

Два богача.

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на

воспитаніе дѣтей, на леченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ — я хвалю и умиляюсь.

Но и хваля, и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба, — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую,—отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

IV.

Извѣстность Тургенева становилась все шире и прочнѣе, но самому ему жилось не слишкомъ радостно. Начать съ того, что его всегда тянуло, по его собствен-

ному признанію, къ семейной жизни, но своей семьи ему не удалось завести. Мать его говаривала про своего любимца, что онъ изъ „однолюбовъ“, т.-е, изъ людей, которые только одинъ разъ въ жизни могутъ искренно и глубоко полюбить женщину. Это и случилось съ Тургеневымъ. Въ 1845 году въ Петербургѣ онъ познакомился съ знаменитой въ то время пѣвицей-француженкой Віардо-Гарсія. До самой смерти онъ оставался въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ нею и ея семействомъ. Онъ прикрѣпился, по его собственному выраженію, къ этимъ чужимъ для него людямъ, остался холостякомъ и прожилъ съ ними и для нихъ большую половину своей жизни.

Въ 1847 году Тургеневъ поѣхалъ за границу и оставался тамъ до 1850 года, до смерти матери. Въ послѣдніе годы ея жизни мать и сынъ были въ тяжелой ссорѣ. Варвара Петровна недовольна

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖ-КА имени В.И.Ленина

была сыномъ за то, что онъ не служитъ, за его отношенія къ Віардо и за то, что онъ не хочетъ жениться на какой-нибудь богатой невѣстѣ по выбору матери, за то, наконецъ, что онъ сталъ писателемъ. Она находила это занятіемъ совсѣмъ не дворянскимъ. Русскихъ книгъ она вообще не читала, точно также не заглянула и въ „Записки Охотника“. Да она и не нашла бы въ нихъ ничего пріятнаго для себя: она, вѣдь, считала свои права на владѣніе людьми и на издѣвательство надъ ними навѣки нерушимыми. При томъ изъ-за крѣпостныхъ въ Спасскомъ и такъ очень часто случались споры и ссоры между матерью и сыномъ, который напрасно пытался убѣдить ее быть съ людьми помягче.

Властную, гордую госпожу Варвара Петровна разыгрывала и предъ дѣтьми. Старшій братъ Ивана Сергѣевича женился, противъ желанія матери, на ея бывшей воспитанницѣ. Варвара Петровна недо-

вольна была этимъ бракомъ, слишкомъ невыгоднымъ по ея разсчетамъ; она отказалась видѣть невѣстку и дѣтей и съ досады не выдавала сыновьямъ даже отцовской доли ихъ наслѣдства. Иванъ Сергѣевичъ перебивался еще кое-какъ литературнымъ трудомъ, но старшій братъ порою бѣдствовалъ. Какъ ни любила Варвара Петровна Ивана Сергѣевича, но разсорилась и съ нимъ, когда онъ вступился за брата. Предъ смертью гордая женщина, всю жизнь бывшая врагомъ и окружающимъ и самой себѣ, хотѣла примириться съ дѣтьми. Иванъ Сергѣевичъ поспѣшилъ изъ заграницы, но матери уже не засталъ въ живыхъ.

По пріѣздѣ въ родовое имѣніе, доставшееся Тургеневу пополамъ съ братомъ, онъ немедленно отпустилъ на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ, перевелъ съ барщины на оброкъ всѣхъ крестьянъ, кто только пожелалъ этого,—чѣмъ могъ содѣйствовалъ впослѣдствіи успѣху общаго осво-

божденія. Въ 1861 году при выкупѣ онъ вездѣ уступилъ крестьянамъ пятую часть, а въ главномъ имѣніи ничего не взялъ за усадебную землю; это составило довольно крупную сумму. „Другой,—говорилъ потомъ Иванъ Сергѣевичъ, разсказывая про это:—можетъ быть на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы больше и скорѣе, но я обѣщалъ сказать правду, и говорю, какова она есть. Хвастать ею нечего, но и безчестія она, я полагаю, принести не можетъ".

Въ началѣ 1852 года въ Москвѣ умеръ Гоголь. Его кончина глубоко огорчила Тургенева, и вотъ онъ написалъ небольшую статью, въ которой выражалъ общее чувство печали при горестномъ извѣстіи, называлъ Гоголя великимъ писателемъ, славою Россіи... Но горькая правда сочиненій Гоголя не всѣмъ была по нраву. Въ Петербургѣ, гдѣ жилъ тогда Тургеневъ, не позволили напечатать этой статейки. Тогда Тургеневъ отослалъ ее въ

Москву и тамъ статейку напечатали въ газетѣ „Московскія Вѣдомости“, съ надлежащаго, конечно, разрѣшенія мѣстной цензуры. Люди, враждебно относившіеся къ Гоголю и къ Тургеневу за его „Записки Охотника“, представили дѣло такъ, будто Тургеневъ совершилъ цѣлое преступленіе. Нежданно-негаданно Тургенева посадили на мѣсяцъ на „съѣзжую“. Этотъ срокъ ему пришлось бы просидѣть среди пьяныхъ, приводимыхъ въ чижовку для протрезвленія. Къ счастью, дочери частнаго пристава какъ-то узнали, что на ихъ съѣзжей сидитъ никто иной, какъ сочинитель „Записокъ Охотника“. Барышни обрадовались случаю познакомиться съ интереснымъ писателемъ и уговорили отца помѣстить Тургенева на ихъ квартирѣ. Здѣсь Тургеневъ и прожилъ двѣ — три недѣли. На досугѣ онъ написалъ разсказъ „Муму“, о которомъ мы уже упоминали.

Съ весны 1852 года Тургеневъ без-

выѣздно жилъ въ Спасскомъ до конца 1854 года. „Пребываніе въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу, — вспоминалъ онъ впослѣдствіи:—оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно ускользнули бы отъ моего вниманія“.

Въ 1855 году Тургеневъ опять уѣхалъ за-границу, къ друзьямъ, съ которыми не видѣлся такъ долго. Съ этого времени онъ жилъ заграницей больше, чѣмъ въ Россіи. На родину онъ возвращался обыкновенно лѣтомъ и проводилъ нѣкоторое время въ Спасскомъ. Но жизнь за-границей сама по себѣ не отрывала его мыслей отъ родины: что онъ ни думалъ, что ни писалъ, гдѣ бы ни былъ, Россія всегда у него была въ мысляхъ на первомъ мѣстѣ. Въ концѣ 1856 года онъ писалъ, напримѣръ, своимъ друзьямъ изъ Парижа: „Пребываніе во Франціи произвело на меня обычное свое дѣйствіе: все,

что я вижу и слышу, какъ-то тѣснѣе и ближе прижимаетъ меня къ Россіи, все родное становится мнѣ вдвойнѣ дорого".

Онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ ходомъ законодательныхъ работъ, которыми съ 1857 года подготовлялось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Такіе люди, какъ самъ Тургеневъ и его немногіе друзья, тѣ изъ образованныхъ людей, кто понималъ и цѣнилъ хоть „Записки Охотника", — съ восторгомъ ждали конца вѣковой несправедливости. За то, большинству помѣщиковъ очень не нравилось предстоящее уменьшеніе ихъ правъ. Иванъ Сергѣевичъ думалъ, что дѣлу освобожденія, какъ и всякому общественному дѣлу, могла бы помочь полная и широкая гласность. Зиму 1857—1858 годовъ онъ жилъ съ нѣсколькими друзьями въ Римѣ. Они много толковали о предстоящемъ преобразованіи, и Тургеневъ придумалъ съ ними издавать газету. Сторонники осво-

божденія крестьянъ доказывали бы въ ней всѣмъ и каждому, какъ необходимо уничтожить крѣпостное право, и такимъ образомъ помогали бы правительству въ его стремленіи къ общему благу.

— „Не станемъ себя обманывать, — писалъ Иванъ Сергѣевичъ: — невѣжество — вотъ наша бѣда и наше горе, малая образованность нашего дворянскаго сословія будетъ едва ли не главнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе предполагаемыхъ мѣръ".

Тургеневъ справедливо жаловался на малую образованность тогдашняго русскаго дворянства. Для темнаго крестьянскаго люда, онъ конечно считалъ образованіе столь же необходимымъ. Въ 1858 году Иванъ Сергѣевичъ составилъ уставъ „общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія". Членами этого общества могли бы быть, по мысли Тургенева, люди всѣхъ сословій безъ исключенія, отъ крѣпостного до

богатаго и знатнаго человѣка, и даже цѣлыя крестьянскія общины, если бы онѣ пожелали того. „Обучая грамотѣ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ правительство освобождаетъ, мы продолжаемъ его дѣло,— говорилъ Тургеневъ: — мы также освобождаемъ ихъ отъ другого рабства—отъ рабства невѣжества". Общество должно бы было заводить школы повсемѣстно въ Россіи, издавать хорошо составленныя книги для людей, обучающихся грамотѣ или только что обучившихся ей, и т. д. Однѣ книги служили бы для первоначальнаго обученія грамотѣ, другія знакомили бы читателя изъ простого народа съ законами, съ правами и обязанностями сословій, съ науками, съ усовершенствованными земледѣліемъ, скотоводствомъ и т. д. Предполагалось печатать книжки по исторіи, описанія жизни замѣчательныхъ людей, путешествія въ чужія страны. Всякія шутки и зубоскальство Тургеневъ считалъ лишними. „Съ народомъ

должно обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ“,—твердилъ онъ.

Ни газета, ни общество для распространенія грамотности, однако, не осуществились въ то время. Только позднѣе появились подобныя общества, стали устраиваться чтенія для народа и т. п.

Въ началѣ 1861 года Тургеневъ жилъ въ Парижѣ. 5-го марта въ Петербургѣ былъ объявленъ Высочайшій манифестъ 19-го февраля объ освобожденіи, и одинъ изъ близкихъ друзей Тургенева далъ ему знать объ этомъ событіи по телеграфу. Иванъ Сергѣевичъ поспѣшилъ подѣлиться этимъ извѣстіемъ со всѣми своими парижскими знакомыми изъ русскихъ. На другой же день, 6-го марта, онъ радостно писалъ другу: „Спасибо за депешу, отъ которой у насъ всѣхъ головы кругомъ пошли... Ради Бога, пишите мнѣ, что и какъ у васъ это происходитъ... Я знаю, вы *молодой* теперь *), и вамъ не до того;

*) Пріятель Тургенева незадолго до того женился.

но время вѣдь необыкновенное. Передавайте всѣ ваши впечатлѣнія — все это теперь вдвойнѣ дорого... Обнимаю васъ отъ души и поздравляю и съ вашею личной и съ нашей общей радостью. Не могу ни о чемъ другомъ писать. Я весь превратился въ ожиданіе". — Въ ближайшее воскресенье русскіе парижане отслужили благодарственный молебенъ въ церкви русскаго посольства. Тутъ былъ и одинъ изъ дальнихъ родственниковъ И. С. Тургенева, Николай Ивановичъ Тургеневъ, который оставилъ родину 35 лѣтъ назадъ и тогда же написалъ замѣчательную книгу о Россіи; въ этой книгѣ онъ указывалъ на крѣпостное право, какъ на главное зло русской жизни.

— „Священникъ Васильевъ, — разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ объ этомъ молебнѣ въ письмѣ другу: — произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всплакнули... Предо мною стоялъ Н. И. Тургеневъ и тоже утиралъ

слезы; для него это было въ родѣ: „нынѣ отпущаеши раба Твоего“. „Дожили мы до этого великаго дня“ — было на умѣ и въ устахъ каждаго“.

Иванъ Сергѣевичъ, такъ радостно встрѣтившій великое преобразованіе 19-го февраля, былъ искренно привязанъ ко многимъ изъ дѣятелей этого преобразованія. Особенно онъ любилъ и уважалъ Николая Алексѣевича Милютина, который горячо принималъ къ сердцу нужды крестьянъ и защищалъ ихъ въ тѣхъ редакціонныхъ комиссіяхъ, что составляли новое крестьянское положеніе. „Пока будутъ существовать на Руси свободные люди, — говорилъ Тургеневъ: — въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета“. 18-го февраля 1869 года Тургеневъ писалъ ему: „Именно сегодняшній день — въ годовщину конца стараго и начала новаго порядка вещей—

я много думалъ о васъ". Такъ, писатель и государственный дѣятель были близки другъ другу духомъ, любовью къ народу и стремленіемъ работать для него.

„Записки Охотника" въ свое время посодѣйствовали успѣху преобразованія 1861 года: иные изъ помѣщиковъ-читателей книги Тургенева задумывались надъ своимъ положеніемъ, начинали иначе относиться къ своимъ крѣпостнымъ; писатель передавалъ другимъ свою любовь къ людямъ. Разскажемъ теперь случай изъ жизни Тургенева, показывающій, какъ къ самому сочинителю „Записокъ Охотника" привязывались люди.

Разъ къ Ивану Сергѣевичу явился въ Петербургѣ молодой неизвѣстный человѣкъ, назвался поваромъ Степаномъ и просилъ купить его у помѣщика.

— „А то, — прибавилъ Степанъ: — я долженъ кончить плохо".

Тургеневъ понялъ положеніе бѣдняка, котораго не взлюбилъ баринъ, и сталъ

хлопотать о покупкѣ человѣка, какъ это его ни коробило. Хлопоты кончились успѣхомъ, и Степанъ былъ выкупленъ за 800 рублей. Когда все кончилось, Тургеневъ вручилъ Степану вольную, но тотъ не захотѣлъ получить свободы и твердо сказалъ: „пусть моя вольная лежитъ у васъ, а мнѣ позвольте послужить вамъ“. Съ этихъ поръ онъ не оставлялъ Тургенева. Когда Иванъ Сергѣевичъ уѣзжалъ на многіе мѣсяцы за-границу, Степанъ служилъ поваромъ въ лучшихъ клубахъ и время отъ времени справлялся у знакомыхъ Ивана Сергѣевича о его пріѣздѣ. Услыхавъ, что онъ пріѣдетъ такого-то числа, Степанъ обыкновенно немедленно бросалъ мѣсто, какъ бы оно выгодно ни было, и съ веселымъ видомъ встрѣчалъ прибывшаго Тургенева.

Степана часто уговаривали занять какое-нибудь выгодное мѣсто навсегда. Онъ упорно отказывался и говорилъ: — „А если Иванъ Сергѣевичъ неожиданно пріѣ-

ѣдетъ, тогда какъ будетъ? Помилуйте, я его не промѣняю ни на кого, вѣдь онъ, когда идетъ по Невскому, такъ, ей Богу, цѣлой головой всѣхъ выше".

V.

Въ тѣ годы, когда подготовлялось освобожденіе крестьянъ (съ 1855 по 1861), Тургеневъ работалъ радостно и бодро. Въ это время онъ написалъ свои лучшія большія произведенія: „Рудинъ", „Дворянское гнѣздо", „Наканунѣ", „Отцы и дѣти".

Содержаніе ихъ взято преимущественно изъ жизни помѣщичьей. Изображая въ разсказахъ, повѣстяхъ или романахъ различныхъ людей, Тургеневъ, какъ и всякій другой выдающійся писатель, не просто описываетъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться въ дѣйствительной жизни. Онъ художественно соединялъ въ

одномъ описываемомъ лицѣ всѣ общія главныя черты, свойственныя людямъ одного нрава, воспитанія и общественнаго положенія. Вслѣдствіе этого находилось не мало живыхъ людей, очень похожихъ на то или другое лицо въ повѣсти или романѣ Тургенева: они какъ въ зеркалѣ могли узнавать себя въ произведеніяхъ писателя. Такое изображенное лицо называютъ лицомъ типическимъ или просто типомъ. Чѣмъ писатель талантливѣе, образованнѣе и наблюдательнѣе, тѣмъ больше вѣроятія, что онъ создастъ въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительно типы, живые образы людей своего времени. Въ сочиненіяхъ Тургенева мы находимъ цѣлый рядъ такихъ художественныхъ типовъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ о главнѣйшихъ типахъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ вышеназванныхъ произведеніяхъ его.

* * *

Главное дѣйствующее лицо романа „Рудинъ“—Дмитрій Николаевичъ Рудинъ, типъ образованнаго человѣка изъ тѣхъ, какихъ много было во время молодости Тургенева. Онъ сынъ бѣднаго помѣщика, получилъ прекрасное образованіе, щедро одаренъ отъ природы талантами и въ особенности даромъ слова. Какъ добрый и умный человѣкъ, онъ хорошо понимаетъ, что жизнь не устроена какъ бы слѣдовало, понимаетъ, почему плохо живется людямъ и даже чѣмъ можно бы помочь. И онъ любитъ говорить объ этомъ и любитъ, чтобъ его слушали. Когда ему случалось увлечься любимымъ разговоромъ о значеніи науки, объ искусствѣ, о любви къ людямъ, онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили ему на уста, и каждое слово такъ и лилось прямо изъ души. Иной слушатель по-проще, пожалуй, и не понималъ иногда въ

точности, о чемъ шла рѣчь, но сердцемъ чувствовалъ, что о чемъ-то дѣльномъ и хорошемъ. Рѣчи Рудина особенно увлекали молодежь, отзывчивую на всякое теплое слово. Жаркое слово Рудина многихъ заставляло задумываться надъ жизнью, и уже этимъ было полезно.

Но жизнь самого Рудина сложилась такъ, что слово его — нѣтъ — нѣтъ — да и расходилось съ дѣломъ. У него никогда не было опредѣленной работы, которая захватила бы его цѣликомъ, чтобъ онъ могъ оставить по себѣ что-нибудь прочное. У Рудина нѣтъ выдержки для этого. Самъ онъ человѣкъ совершенно безкорыстный, не думаетъ о богатствѣ, коротаетъ вѣкъ бобылемъ, потому что ни къ одному занятію, гдѣ пришлось бы кривить душою, онъ не годенъ, а другихъ какъ-то не находится. И вотъ онъ добродушно живетъ на чужой счетъ, занимая деньги направо и налѣво. Онъ очень самолюбивъ и гордъ, и въ то же время

иногда не замѣчаетъ, что состоитъ при какомъ-нибудь баринѣ приживальщикомъ, шутомъ по говорильной части.

Главное содержаніе романа Тургенева, — встрѣча Рудина съ одною молодою дѣвушкою, дочерью богатой помѣщицы Ласунской, у которой Рудину случилось загоститься. Отъ скуки онъ начинаетъ ухаживать за дѣвушкою. Ее увлекаютъ пылкія рѣчи Рудина, она горячо полюбила этого человѣка, такъ не похожаго на другихъ, такого по наружности честнаго и благороднаго, полюбила первою дѣвическою любовью. И Рудину кажется, что онъ полюбилъ Наталью. Между тѣмъ про это узнаетъ сама помѣщица и приказываетъ дочери и не думать о замужествѣ съ бѣднякомъ Рудинымъ. Дѣвушка ждетъ рѣшенія Рудина, она готова для него хоть сейчасъ бросить свою семью и идти за нимъ. Но такой рѣшительности съ ея стороны Рудинъ никакъ не ожидалъ. Онъ совершенно растерялся, не знаетъ, что

дѣлать, совѣтуетъ покориться. Дѣвушка видитъ, что напрасно полюбила этого человѣка, что жестоко обманулась, когда мѣряла его любовь своею. — Рудинъ уѣзжаетъ, а Наташа чрезъ нѣкоторое время выходитъ замужъ за помѣщика, которому она давно нравилась.

Рудинъ бездомнымъ скитальцемъ мыкается по Руси до сѣдыхъ волосъ. Онъ нигдѣ не можетъ остановиться, какъ степное растеніе перекати-поле, носимое вѣтромъ. Онъ слишкомъ честенъ, чтобъ поступаться совѣстью ради личной выгоды, и въ то же время слишкомъ не умѣлый человѣкъ, чтобъ завоевать себѣ прочное положеніе тамъ, гдѣ надо постоянно и упорно бороться съ неправдою. При всемъ желаніи добра, онъ всегда и всюду оказывается лишнимъ человѣкомъ. На старости лѣтъ онъ попадаетъ какъ-то во Францію, принимаетъ въ 1848 г. участіе въ возстаніи чужого ему, рабочаго люда и его убиваютъ. Послѣ смерти помянутъ

его добромъ только тѣ, кому онъ въ годы ихъ юности заронилъ въ душу своими рѣчами искру любви къ правдѣ, да пожалѣетъ старинный пріятель, помнящій, что не смотря на всѣ недостатки Рудинъ выше и лучше многихъ и многихъ, считающихъ себя очень хорошими людьми.

* * *

Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева изображенъ „лишній человѣкъ“ нѣсколько иного склада, чѣмъ Рудинъ. — Ѳедоръ Ивановичъ Лаврецкій — сынъ помѣщика, который женился на собственной крѣпостной. Къ несчастной женщинѣ всѣ родные ея мужа относились съ глубокимъ пренебреженіемъ, да и мужъ не слишкомъ-то любилъ ее, а женился больше для того, чтобъ досадить своему отцу. Барыня-крестьянка скоро умерла и мальчикъ Лаврецкій остался сиротою.

Отецъ сперва отдалъ его на попеченіе

тетки, старой и довольно злой дѣвы. Ѳедя боялся ее, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней. Бывало онъ только зашевелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: куда? сиди смирно! Тетка не любила мальчика, находила, что онъ всѣмъ своимъ складомъ—настоящій мужикъ. Такъ мальчикъ росъ, не зная ласки, нелюдимымъ; онъ и самъ не любилъ никого изъ окружавшихъ его.

Наскучивъ шататься за-границею, отецъ Ѳеди вернулся въ родовое имѣніе и самъ принялся за сына. Нахватавшись поверхностныхъ свѣдѣній о воспитаніи, онъ не мало мудритъ надъ сыномъ. Заставивъ мальчика много заниматься тѣлесными упражненіями, онъ добился, что тотъ сталъ силачемъ и здоровякомъ. Но въ то же время онъ засадилъ его за книги, и Лаврецкій росъ по прежнему одинокій, не зная ни людей, ни дѣйствительной жизни. Такъ онъ дожилъ до 23 лѣтъ, когда отецъ умеръ.

Молодой человѣкъ очутился на совершенной свободѣ съ большимъ состояніемъ и рѣшительно не зналъ, какъ распорядиться собою. Книги были ему ближе и понятнѣе, чѣмъ живые люди, и жизнь не задалась Лаврецкому.

На 25-мъ году онъ женился на дочери отставного генерала; Варвара Павловна, красавица собою, вышла за него, какъ за выгоднаго жениха, не любя. Она сразу стала вертѣть мужемъ, какъ хотѣла; стала разъѣзжать за границей изъ города въ городъ; вела шумную свѣтскую разсѣянную жизнь.

Чрезъ нѣсколько времени Лаврецкій вдругъ открылъ совершенно случайно, что горячо любимая имъ жена никогда собственно не любила его и измѣняетъ ему на каждомъ шагу. Это открытіе все перевернуло въ немъ. Чуть не сойдя съ ума отъ горя, Лаврецкій разстался съ женою, которая послѣ того пустилась уже во вся тяжкія, благо мужъ, по закону, не отка-

зался давать ей содержаніе. Кое-какъ примирившись со своимъ одиночествомъ, Лаврецкій опять засѣлъ за свои книги и чрезъ нѣкоторое время возвращается въ Россію. Онъ хочетъ примѣнить свои знанія къ дѣлу, заняться хозяйствомъ, устроить получше житье своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ губернскомъ городѣ, близъ котораго было его имѣніе, онъ возобновилъ старое знакомство съ дворянскою семьею Калитиныхъ. Здѣсь онъ встрѣчается съ девятнадцатилѣтнею Лизою Калитиной. Ее онъ зналъ еще ребенкомъ; теперь она выросла въ милую, простую и очень вѣрующую дѣвушку. Отецъ ея, умершій когда ей было 10 лѣтъ, только и хлопоталъ, что о деньгахъ для семьи. Мать, Марья Дмитріевна Калитина, была избалованная лѣнивая барыня и о дѣтяхъ заботилась мало. Лиза, подобно Лаврецкому, росла одиноко. Одно время у нея была няня Агаѳья, крѣпостная женщина, извѣдавшая

много горя въ своей жизни и ставшая потому большою богомолкой. Только ее Лиза и любила. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ же ея, на маленькомъ креслицѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что разсказываетъ ей Агаѳья, а Агаѳья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду, — и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слу-

шались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали. Однажды Агаѳья отпросилась на богомолье и больше не вернулась. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ дѣвочки, не изгладился. Спокойная, сосредоточенная, кроткая и ласковая со всѣми, съ боязнью оскорбить и обидѣть кого бы то ни было, она была мила и хороша, сама того не зная.

За Лизу сватается молодой чиновникъ Паншинъ, человѣкъ очень пустой, но къ нему расположена Марья Дмитріевна. Лиза не любитъ Паншина, но, уступая желанію матери, почти готова выйти за него.

Между тѣмъ Лаврецкій, часто бывая у Калитиныхъ, все ближе и ближе узнаетъ Лизу. Онъ невольно становится откровеннѣе съ нею, чѣмъ съ другими, и она въ свою очередь дѣлится съ нимъ своими чувствами и мыслями. Услышавши отъ нея о предложеніи Паншина, Лаврецкій

убѣждаетъ ее не торопиться, а слѣдовать голосу сердца и не выходить замужъ за человѣка, къ которому не чувствуетъ настоящей любви. Такъ они мало-по-малу сближаются другъ съ другомъ.

Вдругъ Лаврецкій узнаетъ изъ заграничной газеты, что жена его умерла, и слѣдовательно онъ свободенъ. Онъ ждетъ, не дождется подтвержденія этого извѣстія, а между тѣмъ сообщаетъ его Лизѣ.

Незамѣтно они уже полюбили другъ друга. Случай какъ-то приводитъ Лаврецкаго теплою лѣтнею ночью въ заглохшій садъ Калитиныхъ. Здѣсь онъ встрѣчается съ Лизою и узнаетъ отъ нея, что и она его любитъ.

Но ихъ мечты и надежды на новую жизнь рухнули на другой же день. Извѣстіе о смерти Варвары Павловны оказалось ложнымъ: она самолично явилась къ мужу въ надеждѣ сорвать съ него денегъ. Она ловко втирается въ домъ

Калитиныхъ, подлаживается къ Марьѣ Дмитріевнѣ, и та начинаетъ мирить ее съ мужемъ. Лаврецкому глубоко ненавистна Варвара Павловна, во-второй разъ разрушившая — хоть и невольно — его счастіе. Но и Лиза съ своей стороны проситъ его о томъ же: ей кажется, что сама она наказана за то, что строила мечту о своемъ счастьи на смерти другого человѣка. Уступая настоятельной просьбѣ Лизы, Лаврецкій для виду сходится съ женою. Послѣдній разъ повидавши Лизу въ церкви у обѣдни, Лаврецкій уѣзжаетъ въ деревню съ женою.

Лиза уходитъ въ монастырь. „Я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога, — говоритъ она въ отвѣтъ на всѣ просьбы не отказываться отъ жизни: — все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были

надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ, я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо... Отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ".

Вскорѣ послѣ разлуки съ Лизою, Лаврецкій опять разстался съ женою, откупившись отъ нея деньгами (чего та только и добивалась). Одинокій и безъ семейнаго угла, онъ кое-какъ коротаетъ свою сѣрую жизнь. Переставши думать о собственномъ счастьи онъ доволенъ, что хоть не совсѣмъ еще опустился, что выучился работать не для одного себя: онъ дѣйствительно насколько могъ обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ навѣстилъ дворянское гнѣздо Калитиныхъ. Тамъ шла уже молодая новая жизнь; домъ заполонили младшія дѣти покойной Марьи Дмитріевны. Среди нихъ Лаврецкій снова

пережилъ сладкое и горькое чувство воспоминанія о мимолетномъ счастіи и о томъ, какъ оно было разбито. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно; сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего.

— „Играйте, веселитесь, ростите, молодыя силы,—думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ:—жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать,—и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами“.

* * *

И. С. Тургеневъ относился къ молодежи совершенно также, какъ Лаврецкій.

Онъ вѣрилъ въ ея силы и способность послужить на благо родины. Въ романѣ „Наканунѣ“ онъ изобразилъ типъ молодой дѣвушки, не похожей на Лизу „Дворянскаго гнѣзда“, типъ дѣвушки, которая и счастье себѣ сумѣетъ завоевать и сумѣетъ вся отдаться какому-нибудь великому дѣлу самопожертвованія. Дѣйствіе этого романа происходитъ въ 1853 году, наканунѣ турецкой войны, окончившейся войною съ Англіею и Франціею и паденіемъ Севастополя. Въ основу всего разсказа Тургеневъ взялъ одинъ дѣйствительный случай, такъ видоизмѣнивши характеръ всѣхъ участниковъ, что они обратились въ живые общественные типы.

Елена Николаевна Стахова, единственная дочь богатыхъ московскихъ дворянъ, на первый взглядъ казалась странною дѣвушкой, порывистою, рѣзкою. Она росла очень странно. Сперва она обожала отца,

отставного гвардейскаго офицера, потомъ она страстно привязалась къ матери, женщинѣ очень доброй и мягкой, но совсѣмъ безхарактерной, умѣвшей только плакать. Выросши, дѣвушка стала обходиться съ матерью, какъ съ больною бабушкой; а отецъ, который гордился ею, пока она слыла за необыкновеннаго ребенка, сталъ ея бояться, когда она выросла, и говорилъ о ней, что она какая-то восторженная... Богъ знаетъ въ кого! Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала во вѣки вѣковъ... Стоило человѣку потерять ея уваженіе,—а судъ произносила она скоро, очень скоро, — и ужъ онъ переставалъ существовать для нея. Всѣ впечатлѣнія крѣпко врѣзывались въ ея душу: не легко давалась ей жизнь.

Елена рано привыкла много читать, но книгъ однихъ ей было мало: она съ дѣтства жаждала дѣятельности, дѣятель-

наго добра; нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала объ нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ; милостыню она подавала заботливо, съ невольною важностью, почти съ волненіемъ. Всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, кошки, даже насѣкомыя и гады были подъ ея защитой. Мать не мѣшала Леночкѣ; зато отецъ порою сердился и жаловался, что отъ собакъ и кошекъ въ домѣ ступить негдѣ.

На десятомъ году она познакомилась съ нищею дѣвочкою, Катей, и тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривенники— игрушекъ Катя не брала. Леночка садилась съ ней рядомъ на сухую землю, въ глуши, за кустомъ крапивы; съ радостнымъ смиреніемъ ѣла ея черствый хлѣбъ; слушала ея разсказы. У Кати была тетка злая старуха, кото-

рая ее часто била; Катя ее ненавидѣла и все говорила о томъ, какъ она убѣжитъ отъ тетки, какъ будетъ жить на всей Божьей волѣ. Съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ внимала Елена этимъ невѣдомымъ, новымъ словамъ, пристально смотрѣла на Катю, и все въ ней тогда—ея черные, быстрые, почти звѣриные глаза, ея загорѣлыя руки, глухой голосокъ, даже ея изорванное платье — казалось Еленѣ чѣмъ-то особеннымъ, чуть не священнымъ. Елена долго тосковала по Катѣ, когда та простудилась и умерла...

Такъ шли годы: она росла безъ подругъ, много думая и ни съ кѣмъ не дѣлясь своими тревожными думами о томъ, какъ бы она стала жить, будь ея воля, чтобы она сдѣлала, будь у нея сила. Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи.

Чаще всего Елена встрѣчается съ мо-

лодымъ ученымъ Берсеневымъ, будущимъ профессоромъ, и съ начинающимъ художникомъ (скульпторомъ) Шубинымъ. Обоихъ тянетъ къ Еленѣ, такъ не похожей на другихъ московскихъ барышень. Первый—человѣкъ добрый и умный; завѣтная мечта его стать такимъ профессоромъ-учителемъ, какимъ былъ Тимофей Николаевичъ Грановскій, но Берсеневъ очень ужъ мягокъ, черезъ-чуръ ушелъ въ свои книги. Второй — очень талантливъ, но безпеченъ и легкомысленъ, готовъ прошутить и талантъ свой, и всю жизнь. Оба, и Берсеневъ, и Шубинъ—остаются чужими сердцу Елены.

Берсеневъ знакомитъ съ семьею Стаховыхъ своего пріятеля Инсарова, родомъ болгарина. Это человѣкъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ москвичи. Въ то время турки, какъ хотѣли, хозяйничали въ Болгаріи и другихъ (балканскихъ) славянскихъ земляхъ. Родители Инсарова были

убиты турками. Тетка увезла его мальчикомъ въ Россію. Когда Инсарову минуло 20 лѣтъ, онъ пожелалъ вернуться на родину, исходилъ Болгарію вдоль и поперекъ, опять выучился забытому—было родному языку, подвергался во время этихъ странствованій большой опасности отъ турокъ, потомъ снова вернулся въ Россію и поступилъ въ московскій университетъ. Но всѣ помыслы его и во время ученія направлены къ одной цѣли—послужить освобожденію родины отъ турецкаго ига. Что онъ ни дѣлаетъ — все клонится къ одному.

Въ Инсаровѣ нѣтъ ни большого ума, ни какихъ либо особыхъ талантовъ, которые найдутся и у Берсенева, и у Шубина. Но это человѣкъ что называется цѣльный, у него слово съ дѣломъ не расходится. Желѣзный характеръ Инсарова, та цѣль, что онъ себѣ ставитъ—все это поражаетъ Елену. „Освободить свою ро-

дину,—говоритъ она какъ-то:—эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики". Присматриваясь къ Инсарову, она видитъ, какъ вѣренъ себѣ этотъ человѣкъ, какъ горячо и искренно онъ принимаетъ къ сердцу все, что касается его родины и земляковъ. „Послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я—мы желаемъ одного и того же",—говоритъ самъ Инсаровъ. Ничего подобнаго Елена не встрѣчала среди русскихъ. Незамѣтно для самой себя она полюбила Инсарова. И онъ то же не остается равнодушенъ къ этой необыкновенной дѣвушкѣ, сумѣвшей заглянуть въ его душу.

Любовь къ русской, женитьба на ней, могла бы связать Инсарова по рукамъ и ногамъ, оторвать его отъ родины. Замѣтивши свое чувство къ Еленѣ, онъ хочетъ бѣжать отъ нея, чтобъ остаться свободнымъ. Въ это время какъ разъ готовится война Россіи съ Турціею и Инсаровъ долженъ ѣхать въ Болгарію.

Но Елена, не колеблясь, готова идти за нимъ.

Собираясь въ дорогу, Инсаровъ простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Болѣзнь его, когда Елена едва не сошла съ ума отъ страха за его жизнь, показала ей, какъ сильно она любитъ своего жениха. Родители ея, конечно, не были бы согласны на бракъ дочери съ бѣднякомъ болгариномъ, и даже прочатъ ей въ это время въ женихи важнаго, но очень черствaго душою, чиновника. Тайно обвѣнчавшись съ полубольнымъ еще Инсаровымъ, Елена наконецъ объявляетъ родителямъ, что покидаетъ Россію вмѣстѣ со своимъ мужемъ.

Какъ ни велико ея горе при разлукѣ съ матерью, но любовь къ мужу и къ дѣлу, которому онъ отдаетъ свою жизнь, сильнѣе.

— „Да! молодое, славное, смѣлое дѣло! — говоритъ о поступкѣ Елены Шу-

бинъ: — Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ, дѣйствительно, въ сущности, все равно. А тамъ—„натянуты струны, звени на весь міръ или порвись!“

Но Елену ждетъ испытаніе болѣе сильное, чѣмъ разлука съ родными. Больной Инсаровъ не успѣлъ во время попасть на родину и пробирается туда окольнымъ путемъ. Въ Венеціи онъ ждетъ корабля, который долженъ перевезти его чрезъ море, къ землякамъ, ближе къ родинѣ, гдѣ идетъ уже рѣзня съ турками; но въ Венеціи Инсаровъ умираетъ. Мать зоветъ домой Елену, но ее не тянетъ туда послѣ смерти мужа. Она везетъ тѣло Инсарова — похоронить на его родинѣ, и исчезаетъ безслѣдно. Только темные слухи

передаютъ, что видѣли ее гдѣ-то среди возставшихъ славянъ сестрою милосердія.

„Нѣтъ, кабы были между нами путные люди, — съ горечью говоритъ Шубинъ: — не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду!“

* *
*

Въ романѣ „Отцы и Дѣти“ Тургеневъ изобразилъ разладъ, который онъ замѣтилъ во время преобразованій между двумя поколѣніями русскаго образованнаго общества.

Люди стараго поколѣнія—отцы—представлены въ лицѣ помѣщиковъ братьевъ Кирсановыхъ. „Они—лучшіе изъ дворянъ“,—говорилъ про нихъ самъ Тургеневъ. Старшій братъ, Павелъ Петровичъ Кирсановъ, очень важный баринъ, въ свое время пожилъ очень весело, былъ на дорогѣ къ большимъ чинамъ, но потомъ

какъ-то влюбился неудачно и это выбило его изъ колеи. Онъ поселился въ имѣніи брата и ведетъ совершенно праздную жизнь. Другой братъ, Николай Петровичъ, женился вскорѣ послѣ университета, поселился въ деревнѣ и кое-какъ ведетъ хозяйство. Крѣпостныхъ крестьянъ онъ всѣхъ пустилъ на оброкъ, а хозяйничаетъ вольнонаемнымъ трудомъ.

Къ нимъ на лѣто пріѣзжаетъ сынъ Николая Петровича, Аркадій, только что окончившій университетъ, и пріятель его Базаровъ. Аркадій души не чаетъ въ своемъ другѣ.

Базаровъ прилежно занимается естественными науками и готовится стать врачемъ. Онъ сынъ мелкопомѣстнаго дворянина, тоже врача, выросъ человѣкомъ не избалованнымъ, знаетъ, что такое нужда, очень неприхотливъ. Глубоко правдивый и честный, но озлобленный, онъ цѣлою головою выше всѣхъ окружающихъ.

Между Базаровымъ съ Аркадіемъ съ одной стороны и стариками Кирсановыми съ другой—сразу начинается рознь. Павлу Петровичу особенно не полюбился Базаровъ, который съ пренебреженіемъ смотритъ на всѣ барскія привычки и замашки старшаго Кирсанова и нисколько этого не скрываетъ. Между ними начинаются споры. Базаровъ не охотникъ по-пусту чесать языкъ, но когда его задѣваютъ, онъ безпощадно рѣжетъ правду въ глаза; онъ рѣзко показываетъ отцамъ, какъ пуста и ничтожна ихъ жизнь, построенная на трудѣ крѣпостныхъ. Споры переходятъ въ ссоры, такъ что наконецъ Павелъ Петровичъ даже стрѣляется съ Базаровымъ на дуэли.

„Я не хотѣлъ разсыропиться“,—говаривалъ Тургеневъ про сумрачный образъ Базарова, своего любимаго героя, и потому не надѣлилъ его особо привлекательными чертами. Базаровъ съ насмѣш-

кой относится даже къ искусству, къ изящной литературѣ, считая ихъ пустымъ баловствомъ. Только въ этомъ Тургеневъ, самъ поэтъ, не сходится съ Базаровымъ, но согласенъ съ нимъ въ его остальныхъ взглядахъ.

Эти взгляды такъ не похожи на понятія отцовъ, что Базаровъ невольно очутился на враждебной ногѣ со всѣмъ обществомъ. Онъ совершенно одинокъ среди людей, съ которыми живетъ и встрѣчается.

Аркадій Кирсановъ тоже скоро расходится съ своимъ другомъ, влюбившись въ одну барышню и быстро освоившись съ нравами отцовъ.

Иные изъ молодежи ухаживаютъ за Базаровымъ, удивляясь его уму, но эти — люди въ родѣ сына откупщика Ситникова, перенимаютъ только внѣшность Базарова, и онъ смотритъ на своихъ поклонниковъ съ пренебреженіемъ.

Отецъ съ матерью безъ памяти любятъ своего Енюшу, но тоже далеки отъ него: сыну тѣсно въ ихъ скромной усадебкѣ, дальше которой они ничего не знаютъ. Простой людъ больше на сторонѣ Базарова, чѣмъ на сторонѣ отцовъ, чувствуетъ, что Базаровъ не баринъ; но самъ онъ склоненъ смотрѣть свысока на людей, позволяетъ, напр., себѣ смѣяться при случаѣ надъ невѣжествомъ мужиковъ и тѣ въ свою очередь видятъ въ немъ какого-то шута гороховаго, которому не понять будто бы ихъ нуждъ.

Случайно Базаровъ знакомится съ молодою вдовою, помѣщицей Одинцовою. Эта женщина и умна, и съ характеромъ. Она можетъ оцѣнить Базарова и понять все, что у него на душѣ. Но она слишкомъ уже привыкла къ спокойной барской размѣренной жизни. Характеръ Базарова, которому не сидится на мѣстѣ, грубоватый и порывистый — не по ней.

Неудачно влюбившись въ нее, Базаровъ беретъ себя въ руки. Базаровъ ломаетъ себя, не поддается тоскѣ; какъ за лекарство онъ опять берется за науку и начинаетъ работать запоемъ.

Случай прекращаетъ жизнь Базарова. Отъ нечего дѣлать онъ сталъ помогать отцу лечить крестьянъ. Разъ ему пришлось вскрывать тѣло мужика, умершаго отъ тифа; онъ порѣзалъ себѣ палецъ ланцетомъ, заразился и чрезъ нѣсколько дней онъ умираетъ, къ безпредѣльному горю родителей; имъ не забыть своего сына и тогда, когда память о Базаровѣ изгладится среди его враговъ и знакомыхъ.

* * *

Тургеневъ говаривалъ о себѣ, что больше всего для него интересна живая правда людского лица; въ своихъ сочиненіяхъ онъ и описывалъ русскую жизнь

такъ, что всѣ дѣйствующія лица у него выходили живьемъ со всѣми своими недостатками и достоинствами. Русскіе образованные люди, какъ въ зеркалѣ, узнавали себя въ сочиненіяхъ Тургенева, и потому писателю пришлось выслушать много обиднаго со стороны тѣхъ, кто принималъ на свой счетъ его сочиненія; по пословицѣ „правда глаза колетъ“, Тургенева обвиняли въ томъ, что онъ живя за-границею, пересталъ понимать русскую жизнь, даже въ томъ, что онъ ненавидитъ русскій народъ, потому что много говоритъ о дурныхъ его сторонахъ. Эти несправедливыя нападки глубоко огорчали Ивана Сергѣевича. Какъ человѣкъ очень скромный, онъ склоненъ былъ не довѣрять своимъ силамъ. Онъ охотно выслушивалъ мнѣнія друзей о своихъ сочиненіяхъ и часто передѣлывалъ то, что имъ не нравилось. Онъ напр., чуть было даже не сжегъ руко-

писи романа „Наканунѣ“, совсѣмъ готовой къ печати, только потому, что это произведеніе не понравилось одной его знакомой. Особенно огорчили Тургенева неблагопріятные отзывы въ печати о романѣ „Отцы и дѣти“. Тургеневъ очень дорожилъ этимъ произведеніемъ: онъ даже посвятилъ его „памяти Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго“, лучшаго друга своей молодости и своего учителя. И вотъ за „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева со всѣхъ сторонъ такъ осуждали, даже просто ругали, что огорченный писатель одно время серьезно думалъ, не слѣдуетъ ли ему въ самомъ дѣлѣ бросить писать.

Къ счастью для русской литературы этого не случилось. Время шло, читатели Тургенева успокоивались и начинали мало-по-малу находить, что писатель-то былъ, пожалуй, правъ, когда изображалъ недостатки русскаго общества; съ тече-

ніемъ времени всѣ лучше, чѣмъ сначала, оцѣнивали достоинства произведеній Тургенева. Мало-по-малу и самъ Иванъ Сергѣевичъ привыкъ къ тому, что его никакъ не могутъ оцѣнить сразу.

— „Что до литературной дѣятельности, —говаривалъ онъ:—то должно каждому непремѣнно и неуклонно идти своею дорогой, спокойно и по мѣрѣ возможности зорко глядя кругомъ. Само дѣло покажетъ, правъ ли ты“.

Онъ привыкъ даже къ тому, что его осыпаютъ бранью напр. за недостатокъ убѣжденій, т.-е. будто онъ сегодня говоритъ одно, а завтра другое, смотря какъ выгоднѣе.

— „На это можетъ послужить отвѣтомъ вся моя тридцатилѣтняя литературная дѣятельность, — со справедливою гордостью отвѣчалъ онъ на подобные упреки, въ 1874 году.—Ни за одну строчку, написанную мною, мнѣ не приходилось

краснѣть—ни отъ одной отказаться! Пусть кто другой скажетъ то же самое"!

Въ сочиненіяхъ Тургенева замѣчательно между прочимъ то, какъ высоко онъ ставитъ русскую женщину. Почти всѣ дѣвушки и женщины, что появляются въ его сочиненіяхъ, нравственно выше мужчинъ: онѣ и любить умѣютъ сильнѣе и глубже, чѣмъ мужчина, и больше мужчинъ способны на всякій высокій подвигъ любви и самоотверженія. Приводимъ здѣсь теплыя воспоминанія Тургенева о сестрѣ милосердія изъ высшаго русскаго общества, которая въ 1877 году, въ послѣднюю русско-турецкую войну, умерла отъ тифа.

Памяти Ю. П. Вревской.

На грязи, на вонючей сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ походный воен-

ный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ—слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ—и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногахъ,—поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива; высшій свѣтъ ее зналъ; объ ней освѣдомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два—три человѣка тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бываютъ улыбки хуже слезъ.

Нѣжное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся въ помощи... она не вѣдала другого счастья. . не вѣдала — и не из-

вѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась — и вся пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась на служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ — никто не зналъ никогда, а теперь, конечно, не узнаютъ.

Да и къ чему? Жертва принесена... дѣло сдѣлано. Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо ея трупу— хоть она сама стыдилась и чуждалась всякаго спасиба. Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ позднимъ цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу!

VI.

Съ 1863 года по 1870 годъ, Тургеневъ жилъ по большей части въ Германіи. Въ 1867 году появляется его большой ро-

манъ „Дымъ“. Съ 1870 года Тургеневъ поселяется въ Парижѣ. Въ 1877 году онъ написалъ еще одинъ большой романъ „Новь“. Въ эти же годы имъ написано также не мало мелкихъ повѣстей и разсказовъ.

Съ половины шестидесятыхъ годовъ Тургеневъ своими сочиненіями становится очень извѣстенъ въ Германіи и во Франціи. Живя за-границей Тургеневъ вездѣ заводилъ знакомство съ писателями. Про лучшихъ русскихъ писателей, про Пушкина, Лермонтова, Гоголя, за-границей въ то время мало кто и слыхивалъ. Тургеневъ своими личными бесѣдами распространялъ свѣдѣнія о русской литературѣ, побуждалъ знакомыхъ учиться русскому языку и переводить съ него на французскій и нѣмецкій языки лучшія произведенія. Онъ самъ одно время помогалъ переводить на французскій языкъ сочиненія Пушкина. Усердно переводили со-

чиненія самого Тургунева, иногда съ его же помощью. Благодаря его почину, теперь за-границей русская литература въ большомъ почетѣ. Въ то же время Тургеневъ хлопоталъ, чтобы и на русскій языкъ переводились лучшія новыя иностранныя произведенія, указывалъ, что именно слѣдуетъ переводить и т. д.

Самъ Тургеневъ во всю жизнь не напечаталъ ни одной строки не на русскомъ языкѣ, но за-границей всѣ считали его своимъ писателемъ. По переводамъ его произведеній, въ немъ видѣли широкообразованнаго человѣка, которому понятна и дорога не только русская, но и вся европейская жизнь. Можно даже сказать, что Тургенева за-границею признали великимъ писателемъ раньше, чѣмъ у насъ въ Россіи.

Его полюбили и уважали за-границей не только, какъ писателя, но и какъ человѣка съ мягкимъ, безконечно любящимъ

сердцемъ. „Это была Божья душа, — вспоминаетъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ одинъ французскій писатель, хорошо знавшій его:—въ немъ могучій умъ совмѣщался съ незлобивымъ сердцемъ ребенка... По внѣшности, этотъ высокій спокойный старикъ, съ крупными грубоватыми чертами лица, съ выразительною головою и глубокимъ взоромъ напоминалъ русскаго мужика, лицо котораго облагорожено и преображено работою мысли, крестьянина изъ тѣхъ, что въ старину дѣлались иноками и что изображаются на старинныхъ русскихъ инокахъ. Въ первый разъ, когда я встрѣтилъ этого добраго великана—мнѣ казалось, что я вижу передъ собою русскаго мужика, на котораго упала искра Божія, который вознесенъ на духовную высоту и не утратилъ своего природнаго простодушія“.

Вездѣ за-границей, гдѣ ни появлялся Иванъ Сергѣевичъ, онъ становился сразу

предметомъ общаго вниманія, а затѣмъ, когда его узнавали ближе, и предметомъ общей любви. „Всюду онъ былъ душою общества, — вспоминаетъ другой писатель, нѣмецъ: — Когда статный, величавый старикъ, съ выразительнымъ, умнымъ и добрымъ лицомъ, съ густыми, бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, принимался разсказывать, всѣ обращались въ слухъ. Слушателя приковывалъ не только разсказъ его, блестящій умомъ, изяществомъ и тонкостью оттѣнковъ, но и необыкновенное добродушіе разсказчика".

Особеннымъ почетомъ Тургеневъ пользовался во Франціи. Французскіе писатели, Флоберъ, Зола, Додэ и друг. лично близкіе Тургеневу, готовы были смотрѣть на него, какъ на своего учителя. Знаменитая французская писательница Жоржъ-Зандъ однажды писала Тургеневу послѣ прочтенія одной его повѣсти: „Учитель! Мы всѣ должны идти къ вамъ въ шко-

лу". Французскіе ученые ссылались на сочиненія Тургенева (особенно на „Записки Охотника"), какъ на источникъ самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, о томъ, какъ онъ живетъ и какъ чувствуетъ.

Въ 1879 г. Тургеневъ былъ въ Англіи и тутъ удостоился чести, которая до тѣхъ поръ не выпадала на долю ни одного писателя. Оксфордскій университетъ (одно изъ наиболѣе уважаемыхъ въ свѣтѣ высшихъ учебныхъ заведеній) поднесъ Тургеневу званіе доктора обычнаго права. Это почетное званіе дается за глубокое изученіе и изслѣдованіе народныхъ обычаевъ. Тургеневу его дали за „Записки Охотника" (незадолго до того переведенныя на англійскій языкъ), какъ за сочиненіе, въ которомъ писатель блистательно доказалъ полное знаніе нравовъ и обычаевъ русскаго народа.

Вообще, ни одинъ русскій писатель—

ни до Тургенева, ни послѣ него — не пользовался за границею такими всеобщимъ уваженіемъ и любовью, какъ онъ.

Какъ ни хороши были почетъ и слава за границею, сердцемъ Тургеневъ жилъ постоянно въ Россіи, гдѣ его цѣнили среди круга писателей такъ мало, гдѣ его имя въ печати упоминалось не иначе, какъ съ насмѣшкой; смѣялись надъ его привычками, не только надъ сочиненіями, смѣялись даже надъ его привязанностью къ семьѣ Віардо. Пріѣзжій изъ Россіи былъ всегда желаннымъ гостемъ у Тургенева и безъ конца долженъ былъ разсказывать хозяину про то, что дѣлается на родинѣ. Съ друзьями, жившими въ Россіи, Тургеневъ велъ обширную переписку, требуя отъ нихъ обстоятельныхъ свѣдѣній про русское житье-бытье. Съ той же цѣлью онъ выписывалъ и внимательно читалъ лучшіе журналы и газеты. Онъ чувствовалъ, что если бы жилъ въ Рос-

сіи постоянно, а не наѣзжалъ только въ нее мѣсяца на два, на три, то могъ бы писать больше и лучше. Подъ старость онъ съ грустью говаривалъ про себя: „Голосъ остался, да пѣть нечего... А пѣть нечего потому, что я живу внѣ Россіи“.

Въ годы старости Тургенева неотступно мучила упорная болѣзнь, предъ которой становились втупикъ лучшіе доктора. Послѣ смерти вскрытіе показало, что это былъ ракъ спинныхъ позвонковъ. Болѣзнь, то ослабѣвала, то усиливалась; она часто разстраивала поѣздки писателя въ Россію, не давала работать, лишала его любимаго удовольствія — охотиться.

— „Въ заграничныхъ журналахъ, — писалъ однажды Тургеневъ другу: — дѣйствительно попадаются иногда весьма лестные отзывы обо мнѣ; одинъ американскій журналъ меня даже произвелъ въ геніи!! Сказать, что это меня нисколько

не трогаетъ — было бы неправда; но было бы также ложно увѣрять, что это меня очень потѣшаетъ. Все это — тѣнь, бѣгущая отъ дыма. За нѣсколько недѣль молодости — самой глупой, изломанной — исковерканной, но молодости — отдалъ бы я не только мою извѣстность, но славу дѣйствительнаго генія, если-бъ я былъ имъ. Что бы я тогда сдѣлалъ, спросишь ты? — А хоть бы десять часовъ сряду съ ружьемъ пробѣгалъ, не останавливаясь, за куропатками. И этого было бы достаточно — и это для меня теперь немыслимо".

Болѣзнь, одиночество (семья Віардо все-таки была почти чужою Тургеневу), тоска по родинѣ — все это дѣлало жизнь ему страшно тоскливою. Вотъ что записалъ онъ однажды въ своемъ дневникѣ на 59-мъ году жизни:

„Полночь. Сижу я опять за своимъ столомъ... а у меня на душѣ темнѣе темной

ночи... Могила словно торопится проглотить меня; какъ мигъ какой пролетаетъ день, пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь: опять вались въ постель. — Ни права жить, ни охоты нѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать".

Россія, жизнь русскаго народа—были на первомъ мѣстѣ въ тѣхъ безрадостныхъ думахъ, которыми была полна голова престарѣлаго писателя.

Послѣ уничтоженія крѣпостного права жизнь крестьянина пошла по новому и больше всего чувствовался недостатокъ въ народѣ самыхъ первыхъ знаній, начиная съ грамоты. И Тургеневъ особенно высоко ставилъ и уважалъ всякаго, кто шелъ на помощь бѣдному и темному люду со своими знаніями и любовью. Онъ писалъ одной знакомой помѣщицѣ, которая завела у себя школу:

— „Для такой дѣятельности не нужно

особенныхъ талантовъ, ничего крупнаго, выдающагося; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску — нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной работы. Что можетъ быть, напр., жизненнѣе — учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д. Нужно одно сердце... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова — вотъ все, что нужно". И сыну этой помѣщицы, Иванъ Сергѣевичъ отъ души, какъ лучшаго счастья и заслуги, желаетъ: „Да поступитъ и онъ въ ряды полезныхъ рабочихъ и народныхъ слугъ".

Изъ-за всякаго дѣла или случая, которые касались Россіи, Иванъ Сергѣевичъ волновался: очень ужъ трогали они его за живое. Извѣстно, что въ русско-турецкую войну русскія войска подъ Плевной долго терпѣли неудачи. Главнокоман-

дующему Скобелеву хотѣлось взять Плевну сразу, штурмомъ, и при неудачныхъ нападеніяхъ погибло нѣсколько десятковъ тысячъ русскаго войска. Извѣстія объ этомъ, гибель такого множества русскихъ совершенно безполезная, болѣзненно мучили Тургенева. Онъ выходилъ изъ себя, избѣгалъ людей, увѣрялъ, что теперь за границей всѣ будутъ на него, какъ на русскаго, указывать пальцами. Во время самой войны многіе русскіе печатно и въ личныхъ бесѣдахъ съ Тургеневымъ высказывали мысль, что надо воевать до тѣхъ поръ, пока русскіе не возьмутъ Константинополь, пока на Софійскомъ соборѣ, который турки обратили въ мечеть, снова не будетъ поставленъ греческій православный крестъ. Мягкаго и незлобиваго Тургенева подобные воинственные люди, сами конечно не воевавшіе и не думавшіе о чужой крови, выводили изъ себя. Онъ находилъ, что и такъ уже

слишкомъ много пролито крови. Онъ радовался близкому миру и тому, что жизнь русскаго народа пойдетъ опять обычною колеею. Зачѣмъ намъ кровопролитіе, громкая слава кровавыхъ подвиговъ?—думалъ Тургеневъ: — лишь бы легче жилось русскому крестьянину, лишь бы въ довольствѣ и покоѣ шла его трудовая жизнь. Такія думы были въ его головѣ, когда въ началѣ 1878 года онъ написалъ слѣдующій очеркъ.

Деревня.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія — родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ — не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ — молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади

фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой — и дегтемъ маленько — и маленько кожей. Конопляники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ, въ нѣсколько рядовъ головастыя, къ низу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. Вдали, на концѣ — краѣ земли и неба, — синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами на-

малеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни. Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами; пусть еще немного посохнетъ на припекѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ славно спать на немъ!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ низкоподпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются

бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу, — зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка; а и теперь еще видать: красавица была въ свое время.

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой

руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба. — „Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!“

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— „Ай да овесъ“, слышится голосъ моего кучера...

О, довольство, покой, избытокъ русской вольной деревни! О тишь, о благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ святой Софіи въ Царьградѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

VII.

Весною 1879 года Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію — „мириться съ русскою публикою“, какъ онъ шутливо говорилъ объ этой поѣздкѣ. Примиреніе вышло полное.

Одному писателю Иванъ Сергѣевичъ писалъ около этого времени: „Что касается до моихъ враговъ — то, душа моя, у кого ихъ нѣтъ, особенно если человѣкъ кое-что сдѣлалъ? Не безпокойся: дай намъ съ тобою умереть—посмотри, какъ насъ распишутъ въ газетахъ и журналахъ! Чудо“! Но еще и при жизни престарѣлый писатель убѣдился, какъ горячо любятъ его въ Россіи многіе читатели. Непріязнь и старые счеты уже почти изгладились. Неожиданно для самого Тургенева сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ его встрѣчали торжественно вездѣ, какъ только онъ появ-

лялся въ какомъ-нибудь общественномъ собраніи. Молодежь особенно горячо привѣтствовала любимаго писателя, и это трогало его до слезъ. „Это сочувствіе молодого поколѣнія— говорилъ однажды Тургеневъ, благодаря своихъ незнакомыхъ молодыхъ друзей за радушную встрѣчу:— есть— скажу прямо —величайшая единственная награда, послѣ которой уже ничего не остается желать. Оно доказываетъ ему, что жизнь его не прошла даромъ, труды его не пропали; брошенное имъ сѣмя—дало плодъ".

Еще торжественнѣе чествовали Тургенева въ слѣдующемъ году въ Москвѣ въ тѣ дни, когда праздновалось открытіе памятника Пушкину. 6, 7 и 8-е іюля 1880 года были самыми торжественными днями въ жизни Ивана Сергѣевича. Пушкинъ былъ его учителемъ, и теперь, восторженно встрѣчая Тургенева, всѣ какъ бы признавали, что ученикъ пока-

залъ себя достойнымъ великаго учителя. Московскій университетъ въ торжественномъ засѣданіи избралъ Тургенева своимъ почетнымъ членомъ. Въ эти праздничные для литературы дни, гдѣ ни появлялась высокая, всѣмъ знакомая по портретамъ фигура Ивана Сергѣевича съ бѣлою какъ лунь бородою и сѣдыми волосами—вездѣ гремѣли шумныя и радостныя восклицанія и рукоплесканія. Рѣчь его о Пушкинѣ въ собраніи общества любителей русской словесности имѣла огромный успѣхъ. На одномъ литературномъ вечерѣ онъ прочелъ стихотвореніе Пушкина „Послѣдняя туча“. Въ эти дни исчезла послѣдняя туча нерасположенія къ великому писателю.

Тургеневъ былъ въ Россіи послѣдній разъ въ 1881 году. Съ конца этого года дурныя вѣсти о здоровьи любимаго писателя то и дѣло тревожили его многочисленныхъ друзей. Болѣзнь приковала

Тургенева къ одному мѣсту. Съ большимъ только трудомъ онъ могъ переѣзжать изъ Парижа въ подгородное мѣстечко Буживаль.

Въ часы облегченія страданій онъ продолжалъ работать; готовилъ къ печатанію собраніе своихъ сочиненій, написалъ двѣ—три повѣсти, а также издалъ такъ называемыя „стихотворенія въ прозѣ“, маленькіе очерки и наброски, къ которымъ и принадлежатъ три помѣщенные выше отрывка: „Два богача“, „Памяти Ю. П. Вревской“ и „Деревня“.

Онъ не могъ наконецъ ни вставать, ни сидѣть сколько-нибудь времени безъ мучительной боли въ груди, плечахъ и спинѣ. „Сиди, лежи, голубчикъ, а о прочемъ не помышляй!—шутилъ онъ даже тутъ: — И сколько это продолжится... тоже не твое дѣло“! Онъ просилъ друзей не спрашивать въ письмахъ о здоровьи и не утѣшать его, потому что давно по-

терялъ надежду на выздоровленіе. „Поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу, — писалъ онъ съ тоскою друзьямъ, жившимъ въ Спасскомъ: — родинѣ поклонитесь, которую я уже вѣроятно никогда не увижу“.

Въ эти темные тяжелые дни онъ, пока были силы, принималъ друзей, охотнѣе всего бесѣдуя о Россіи, о русской литературѣ. Съ родины онъ получалъ не мало писемъ, часто отъ лицъ ему вовсе неизвѣстныхъ, съ сожалѣніемъ о его болѣзни, съ пожеланіями выздоровѣть. Особенно тронуло его письмо отъ крестьянъ села Спасскаго-Лутовинова. Умирающій, онъ попрежнему скоръ на помощь нуждающимся и денежной помощью, и совѣтомъ, и просьбами за нихъ предъ вліятельными лицами. Онъ даже шутя хвастался, что умѣетъ сочинять такія слезныя просьбы, что хоть кого разжалобитъ. Одинъ молодой русскій не могъ

поступить въ Парижѣ въ земледѣльческое высшее училище, потому что не имѣлъ необходимыхъ бумагъ, а добывать ихъ изъ Россіи не было времени. Начальникъ училища предложилъ молодому человѣку представить вмѣсто бумагъ письмо отъ Тургенева съ поручительствомъ, что молодой человѣкъ дѣйствительно тотъ, за кого выдаетъ себя. Тургеневъ немедленно исполнилъ эту просьбу и далъ юношѣ возможность поступить въ училище. Это можетъ служить примѣромъ того, какъ уважали въ Парижѣ Тургенева. Вотъ еще случай, показывающій, какъ Тургеневъ умѣлъ помогать людямъ, не оскорбляя ихъ самолюбія. Въ Парижѣ умиралъ отъ чахотки русскій, бѣднякъ, упорно отказывавшійся отъ всякой денежной помощи. Онъ просилъ только Ивана Сергѣевича дать хорошій отзывъ о переводѣ повѣсти, который больной думалъ послать въ русскій журналъ. Тургеневъ

устроилъ дѣло такъ: онъ писалъ редактору журнала, что переводъ нѣтъ надобности печатать, если онъ плохъ; пусть только редакторъ напишетъ, что согласенъ на напечатаніе повѣсти и заплатитъ за нее столько-то денегъ, чтобы больной былъ увѣренъ, что получилъ отъ Тургенева свои собственныя заработанныя деньги. Особенно ласково Иванъ Сергѣевичъ относился къ начинающимъ писателямъ: они всегда могли разсчитывать смѣло на его помощь, на дѣльный совѣтъ. Снисходительностью его иные даже злоупотребляли и подчасъ сильно надоѣдали ему плохими стихами или повѣстями, о которыхъ просили дать отзывъ.

Вообще мысль о русской литературѣ, о русскихъ писателяхъ всегда его занимала. Онъ, напр., всю жизнь принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературный фондъ). Осно-

ванное въ 1861 году это общество своими денежными средствами было много обязано Ивану Сергѣевичу Тургеневу. Онъ не разъ устраивалъ въ пользу общества литературныя чтенія и въ Россіи, и за-границей, самъ читалъ передъ публикою и другихъ заставлялъ читать; эти чтенія доставляли порядочныя суммы обществу.

И не удивительна была эта заботливость Ивана Сергѣевича о русскихъ писателяхъ. Самъ онъ отдалъ всѣ свои силы русской литературѣ, и въ ней видѣлъ воплощеніе всѣхъ лучшихъ сторонъ русскаго ума и сердца, могучее средство вліять на людей, просвѣщать ихъ.

— „Берегите нашъ языкъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ русскимъ писателямъ:—нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ! — Обра-

щайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса“!

Въ рукахъ Тургенева языкъ и былъ такимъ орудіемъ: напомнимъ опять про успѣхъ „Записокъ Охотника“. Въ языкѣ отражаются лучшія стороны характера народа.

— „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—писалъ Тургеневъ незадолго до кончины:—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя, — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“!

Трогательнымъ примѣромъ всегдашней заботливости Тургенева о литературѣ, его безконечной любви къ ней можетъ служить предсмертное письмо его ко Льву

Николаевичу Толстому, къ своему сопернику по литературной славѣ. Графъ Толстой въ это время прекратилъ было свою литературную дѣятельность, и вотъ что написалъ ему обезсиленною рукою Тургеневъ.

„Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ!!! Я же человѣкъ конченый—доктора даже не знаютъ какъ назвать мой недугъ. Ни ходить, ни ѣсть,

ни спать, да что! Скучно даже повторять все это! Другъ мой, великій писатель русской земли—внемлите моей просьбѣ!— Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку и позвольте еще разъ крѣпко, крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ... Не могу больше... Усталъ"!

Измученный болѣзнью, усталый писатель скончался въ Буживалѣ 22 августа 1883 года, на 64-мъ году отъ рожденія. Готовый къ смерти, Тургеневъ высказалъ желаніе, чтобы его погребли въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ у ногъ Пушкина, но говорилъ, что недостоинъ этой чести, и завѣщалъ похоронить себя въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, тамъ, гдѣ похороненъ его другъ Бѣлинскій.

26 августа тѣло писателя было привезено въ Парижъ и недѣли черезъ три отправлено въ Россію. Тамъ давно ждали извѣстія о кончинѣ Тургенева, но все-

таки повсемѣстно она произвела глубокое впечатлѣніе среди всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей. Почти во всѣхъ городахъ отслужены были панихиды по почившемъ писателѣ.

26 сентября прахъ Тургенева прибылъ въ Петербургъ и въ тотъ же день погребенъ на Волковомъ кладбищѣ, — по постановленію думы, на городской счетъ. Несмѣтныя толпы народа провожали гробъ отъ вокзала желѣзной дороги до кладбища. Тутъ было 179 посольствъ съ вѣнками отъ разныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, отъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, отъ газетъ и журналовъ, отъ городовъ, отъ частныхъ лицъ. Множество вѣнковъ прибыло вмѣстѣ съ гробомъ изъ Парижа, изъ Берлина, изъ русскихъ попутныхъ городовъ: жители ихъ, днемъ и ночью, приходили встрѣтить гробъ Тургенева. Вѣнки двигались надъ толпою на протяженіи болѣе двухъ

верстъ. По окончаніи литургіи и панихиды въ кладбищенской церкви, гробъ опущенный въ могилу былъ покрытъ землею и цвѣтами.

„Прощаясь съ успокоившимся писателемъ,—сказалъ на могилѣ И. С. Тургенева одинъ изъ его почитателей:—не могу говорить о немъ, какъ о погибшемъ на вѣки, ибо никогда онъ не былъ такъ могучъ, какъ теперь. Силы, которыя онъ въ себѣ хранилъ, передавая ихъ по временамъ въ своихъ произведеніяхъ — не только не погибли, но разлились еще больше, потрясая сильнѣе, чѣмъ когда либо, сердца всѣхъ способныхъ чувствовать и мыслить“.

За нѣсколько дней до кончины Тургенева, въ его комнатѣ тихо и грустно, съ глубокою скорбію въ сердцѣ, собралось нѣсколько русскихъ. Умирающій лежалъ предъ ними, изможденный страданьями, но попрежнему старчески вели-

чаво прекрасный. Одинъ изъ присутствовавшихъ въ невольномъ порывѣ наклонился поцѣловать руку умирающаго учителя. Тургеневъ быстро отдернулъ ее и произнесъ:

„Живите, и любите людей, какъ я ихъ всегда любилъ“.

Вся жизнь Ивана Сергѣевича Тургенева и сочиненія его—свидѣтели того, какъ исполнялъ онъ этотъ свой предсмертный завѣтъ.

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня. Вдругъ она уменьшила шаги и начала красться, какъ будто зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва проставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой— и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ жалкимъ пискомъ прыгнулъ

раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. — Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Нищій.

Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шершавыя лохмотья, нечистыя раны. О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка. Я ничего не взялъ съ собою.

А нищій все ждалъ... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку... „Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ“.

Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись — и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что же, братъ,—прошепталъ онъ:— и на томъ спасибо. — Это то же подаяніе, братъ.

Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

Щ и.

У бабы-вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣтній сынъ, первый на селѣ работникъ.

Барыня, помѣщица того самаго села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить ее въ самый день похоронъ.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, передъ столомъ, она, не спѣша, ровнымъ движеніемъ пра-

вой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли и опухли... но она держалась истово и прямо, какъ въ церкви.

„Господи! подумала барыня. Она можетъ ѣсть въ такую минуту... какія, однако, у нихъ у всѣхъ грубыя чувства!“

И вспомнила тутъ барыня, какъ потерявъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, девятимѣсячную дочь, она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подъ Петербургомъ — и прожила цѣлое лѣто въ городѣ! — А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпѣла, наконецъ. Татьяна! — промолвила она. Помилуй! — Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропалъ аппетитъ? — Какъ можешь ты ѣсть эти щи!

— Вася мой померъ, — тихо проговорила баба — и наболѣвшія слезы снова

побѣжали по ея впалымъ щекамъ. — Значитъ, и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь онѣ посоленыя.

Барыня только плечами пожала и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево.

Къ стр. 39-й.

Разсказъ „Бирюкъ“ не могъ быть напечатанъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

№№

1. **Н. Златовратскій.** — Деревенскій король и Горе стараго Кабана. — Два разсказа.
2. **Вл. Короленко.** Дѣти подземелья. — Разсказъ.
3. **Н. Златовратскій.** — Авраамъ. — Разсказъ.
   Н. Ш. — Трудъ, богатство, деньги.
4. **Г. И. Гуринъ,** ветеринаръ Московской Городской Управы. — Стельная корова, какъ ходить за ней и какъ помогать ей при теленіи. — Второе изданіе.
5. **Вас. И. Немировичъ-Данченко.** — Живодеръ. — Повѣсть.
6. **В. Быстренинъ.** — Сухарь. — Очеркъ изъ жизни городской бѣдноты.
7. **Н. Маминъ-Сибирякъ.** — Лѣтные. — Разсказъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ.
8. **Ч. Вѣтринскій.** — Жизнь и пѣсни А. В. Кольцова.
9. **Его же.** — Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина.
10. **Е. Волкова.** — Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время. — Истор. очеркъ.
11. **Ч. Вѣтринскій.** Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (украинскій поэтъ).
12. **Д. Кудрявскій.** Какъ жили люди въ старину. Ц. 30 к.
13. **А. Курочкинъ.** Изъ жизни растеній. Вып. I.
14. **Ч. Вѣтринскій.** Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
15. **А. Быкова.** Вильгельмъ Оранскій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

въ Москвѣ, Трехпрудный пер., книжный складъ А. М. Муриновой.

26 АВГ 1943

2011138981